

801-17
А. В. ВЕРЕЩАГИНЪ. 2031

Р 1-82
11391

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

(1855 — 1895).

Складъ у В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственн. домъ, № 14.

1900.

1081

2011120155

Спб.—Типографія Э. Арыгольда, Литейн. 59.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Скобелевъ за Дунаемъ и въ Ахалъ-Теке.

За Дунаемъ.

	Стр.
I. Нѣсколько словъ о переправѣ черезъ Дунай.	3
II. Первое взятіе Ловчи	8
III. На шоссе	17
IV. Наканунѣ боя.	27
V. Бой подъ Ловчей.	31
VI. Третье Плевно.—Передъ боемъ	35
VII. Бой на Зеленыхъ горахъ	41
VIII. На перевязочномъ пунктѣ	45
IX. Въ госпиталѣ.	48
X. Судъ.	61

Въ Ахалъ-Теке.

XI. Воны умерлы.	83
XII. Прогулка.	88
XIII. Казначей.	92
XIV. Защитники.	96
XV. Рекогносцировка Геокъ-Тепе.	99
XVI. Товарищи	113
XVII. Чиновникъ.	123
XVIII. Штурмъ Геокъ-Тепе.	129
XIX. Послѣ штурма.	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Очерки и воспоминанія.

	Стр.
I. Воля.	1
II. Каникулы.	13
III. Деревенскій праздникъ.	33
IV. Стерлядка.	45
V. Чудо-богатырь	49
VI. Скобелевъ у гроба Наполеона.	54
VII. Тросточка.	58
VIII. Изъ записокъ оцѣнщика.	64
IX. Въ гостяхъ у князя Кунгурова.	88
X. Не судьба.	126
XI. Нефтяное отопленіе	149
XII. На желѣзной дорогѣ.	159
XIII. Последняя княжна Ромодановская	174
XIV. Что случилось разъ съ Иваномъ Ѳомичемъ	181
XV. Мое знакомство съ литераторами.	187

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *

Скобелевъ за Дунаемъ

и

въ Ахаль-Теке.

(Воспоминанія очевидца 1877—1881 г.г.)

стому полковнику, въ очкахъ, усатому, бѣлобрысому, съ умнымъ выраженіемъ лица, хватаетъ того за пуговицу, дергаетъ и хочетъ что-то сказать. Полковникъ, польщенный такимъ вниманіемъ, спѣшитъ встать. Скобелевъ-же, удерживая его рукой за плечо, торжественно восклицаетъ своимъ картавымъ голосомъ, при чемъ продолжаетъ усиленно дергать за пуговицу:

— Знаете ли вы, полковникъ, что, за всю турецкую кампанію, только три полковыхъ командира представили сполна экономическую сумму: графъ Штак—ргъ, полковникъ Р—ръ, и баронъ К—фъ!— При чемъ, понизивъ голосъ, съ грустью добавляетъ: «И все нѣмцы»!

ВЪ АХАЛЬ-ТЕКЕ.

„Воны умерлы“.

Конецъ мая. Часа два пополудни. Я, шагъ за шагомъ, тащусь верхомъ за небольшимъ караваномъ верблюдовъ изъ укрѣпленія «Яглы-Олумъ» въ укрѣпленіе «Чадъ». Жара невозможная. Солнце такъ кожу и деретъ съ лица тонкими лепестками.

Можно подумать, что оно побилось съ кѣмъ о закладъ сжечь насъ сегодня живыми. Хотя изрѣдка проносится легонькій вѣтерокъ, но такой раскаленный, что только усиливаетъ мученія. Въ головѣ сильно стучить. Кажется, вотъ-вотъ, хватить ударъ, и повалишься съ лошади. Стремена накалились настолько, что ногъ невозможно держать въ нихъ. Сидишь на сѣдлѣ, точно пьяный. Такъ и мотаешь изъ стороны въ сторону. Дума въ головѣ одна: скоро ли доберешься до пристанища, гдѣ можно будетъ усѣсться въ тѣнь и напиться воды. Боже, какъ хочется поскорѣй добраться до всего этого... До Чада еще версть 8. Но въ пустынь горизонтъ обширный, значитъ, скоро замѣтимъ его. Не видно нигдѣ ни деревца, ни кустика. По дорогѣ встрѣчаются такія разсѣлины почвы, что лошадь невольно останавливается, не рѣшаясь перескочить ихъ.

Трещины эти такія глубокія, что при всемъ ста-

раніи невозможно разглядѣть дна. Кругомъ песокъ, и песокъ красный, раскаленный. И вотъ, здѣсь-то долженъ жить человѣкъ!, думается мнѣ.

— Чадъ, Чадъ видать! слышу позади себя крики казаковъ.

— Гдѣ? гдѣ? радостно спрашиваю ихъ,—губы мои потрескались, въ горлѣ пересохло.

— А вонъ, ваше высокородіе. Во-о-нъ, кибитки-то чернѣютъ вправо! восклицаетъ одинъ изъ нихъ, и плетью указываетъ направленіе.

Впереди, верстахъ въ 4-хъ, на желтовато-красномъ фонѣ, чернѣли кибитки, одна возлѣ другой, въ видѣ маленькихъ, едва замѣтныхъ пятнышекъ.

— Такъ это Чадъ, невольно восклицаю я, и мнѣ становится грустно за ихъ обитателей. Трудно выбрать мѣстность болѣе ужасную. Кажется, только каторжниковъ, за самыя жестокия преступленія, можно ссылатъ сюда. Я рысью обгоняю караванъ, и самъ направляюсь прямокомъ къ укрѣпленію.

Комендантомъ здѣсь оказался славный малый, поручикъ Криштаненко, служившій раньше въ Туркестанѣ. Онъ просто поразилъ меня своимъ видомъ. Хотя и небольшого роста, но такъ былъ крѣпко сложенъ, такой имѣлъ веселый видъ, что сразу разогналъ всю мою меланхолію. Полное, загорѣлое лицо его пышало здоровьемъ. Свободная холстинная рубаха, подпоясанная ремнемъ, легко обхватывала его мускулистую фигуру. Больше же всего понравились мнѣ его шаровары, широкія, кожаныя, коричневаго цвѣта. Шаровары эти онъ привезъ изъ Туркестана. Они были такъ прочны, что, казалось, ихъ должно было хватить на всю его жизнь.

— Ну, слѣзайте, слѣзайте скорѣй, да пойдемъ

въ кибитку! такими словами привѣтливо встрѣчаетъ меня комендантъ. Онъ уже давно замѣтилъ нашъ караванъ. Нѣсколько солдатъ изъ гарнизона бросились ко мнѣ. Я слѣзаю, и черезъ минуту уже наслаждаюсь тѣнью, въ просторной кибиткѣ, устланной коврами и бурками.

Въ кибиткѣ я нашелъ одного моего пріятеля, сотника кубанскаго полка, Бабича. Вскорѣ появляется передъ нами на низенькомъ столикѣ: вино, закуска, чай, и, какъ рѣдкость въ здѣшней мѣстности, холодная вода.

Отъ сильнаго утомленія я почти ничего не могу ѣсть. За то воды пью безконечное количество. Вѣдь протащиться 40 верстъ подъ палящимъ солнцемъ, черепашинымъ шагомъ, вслѣдъ за верблюдами, чего нибудь да стоитъ.

Полчаса спустя, я уже спалъ, какъ убитый, растянувшись на буркѣ. Просыпаюсь: смотрю въ противоположномъ углу, скорчившись, спитъ мой хлѣбосольный хозяинъ. Я опять, не безъ зависти, люблюсь на его цвѣтныя кожаныя шаровары. Рядомъ со мною лежитъ на спинѣ, въ легонькомъ сѣромъ ситцевомъ бешметѣ, Бабичъ. Его полное, добродушное лицо покраснѣлось и вспотѣло отъ хорошей выспышки.

— Ну, что, маіоръ, соснули? спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что я не сплю.

— Да, ничего, всхрапнулъ изрядно, отвѣчаю ему. А, вѣдь вы, сотникъ, привыкли къ здѣшнему климату, кажется, и прошлую экспедицію были здѣсь?

— А то какъ-же, отвѣчаетъ онъ своимъ хохлатымъ нарѣчіемъ.—Я же въ самомъ этомъ Чадѣ встрѣ-

чалъ покойнаго Лазарева. Казакъ тогда еще у меня былъ, Пархоменко, такъ вотъ-же, собачій сынъ, удружилъ мнѣ,—сердито восклицаетъ онъ. — А что такое? съ интересомъ спрашиваю его. Бабичъ переваливается своимъ грузнымъ туловищемъ въ мою сторону и продолжаетъ:

— Да, изволите-ли видѣть. Не забыть мнѣ этого никогда. Я здѣсь за коменданта былъ. Ну, и получаю извѣстіе, что вотъ, къ примѣру сказать, сегодня вечеромъ, привезутъ больного Лазарева, командующаго войсками. Карбункуль ему на шею сѣлъ, и онъ ѣхалъ на Кавказъ лѣчиться. Ну вотъ, хорошо. Жду его. Генераль ѣхалъ въ тарантасъ. Жду часть, другой, третій. Наступаетъ темнота. Генерала все нѣтъ. Наконецъ, и полночь подходит. Ну, думаю, вѣроятно, что-нибудь задержало, — сегодня не будетъ. Ложусь спать и крѣпко наказываю Пархоменкѣ,—чуть что, сейчасъ меня разбудить. Заснулъ. Утромъ просыпаюсь, выхожу изъ кибитки, солнце только что еще выкатилось изъ за песковъ, оглядываюсь,—батюшки мои, среди двора тарантасъ стоитъ, и верхъ поднять. Я кидаюсь къ казаку, а тотъ спитъ себѣ, и буркой укрылся. Толкъ его въ бокъ ногой. Вскидывается.

— Это чей тарантасъ? тихонько говорю, чтобы не разбудить кого.

— Генераль пріѣхали,—какъ ни въ чемъ не бывало, тоненькимъ гнусавымъ голоскомъ тянетъ онъ, и кулакомъ растираетъ слюни по лицу; при этомъ рассказчикъ съ озлобленіемъ старается представить своего казака.

— Что-же ты, такой, сякой, не разбудилъ меня? сердито шепчу ему.

— Да, воны умерлы,—отвѣчаетъ онъ, преспокойнымъ голосомъ.

А! какъ вамъ нравится?—дескать, чего же теперь и торопиться съ нимъ!

— Ну, что-же вы? спрашиваю я.—Ну, извѣстно, побранилъ казака, да поторопился отправить генерала дальше.

Разсказъ этотъ очень мнѣ понравился. Помню, когда я пріѣхалъ въ отрядъ и увидѣлъ Скобелева, то, между прочимъ, передаю ему и этотъ случай, со всѣми подробностями, какъ самъ слышалъ. И что-же? Скобелевъ, вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, — задумывается и, послѣ нѣкотораго молчанія, жалобно говорить мнѣ:

— Какую грустную исторію вы мнѣ рассказали! Въ тонѣ его голоса, въ это время, точно вѣяло предчувствіемъ, что и ему, бѣдняжкѣ, недолго оставалось жить.

Прогулка.

Баши *). Часовъ 6-ть утра. Около бассейна, выкопаннаго нарочно для купанья офицеровъ и штабныхъ, собралось человекъ 7—8. Нѣкоторые изъ нихъ уже окунулись въ холодной, какъ ледъ, утренней водѣ, и теперь сидятъ на лавочкахъ, завернувшись въ бѣлыя простыни, точно римскія тоги. Ихъ мокрыя тѣла быстро сохнутъ на горячемъ солнцѣ. Между воссѣдающими тутъ отчетливѣе всѣхъ выдѣляется, своей роскошной длинной бородой, главный контролеръ отряда, Владиміръ Павловичъ Череванскій. Онъ грѣется на солнышкѣ и самодовольно потираетъ простыней руки, плечи, шею и свою длинную съ просѣдью бороду. Другіе же еще не купались. Они тоже мирно сидятъ на лавочкахъ, безъ простынь, въ костюмахъ праотцевъ, и въ нерѣшительности поглядываютъ на воду. Почесываются, переговариваются, изрѣдка наклоняются, пробуютъ ногой воду, ежатся отъ страху, и какъ бы размышляютъ про себя: «ужь не вернуться ли назадъ,—что-то вода холодна сегодня».

Въ это время, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ бассейна, возлѣ генеральской палатки, пріютившейся въ

густой зелени маленькаго садика, съѣзжается конвой. Тутъ и казаки, тутъ и осетины, тутъ и самъ начальникъ конвоя, небольшого роста, худенькій, подвижной поручикъ Гайтовъ. Нѣкоторые изъ нихъ джигитуютъ, горячатъ лошадей, другіе смирно стоятъ. Впереди всѣхъ, точно вылитый изъ серебра, блеститъ на солнцѣ своей атласной шерстью бѣлый жеребецъ генерала, иноходецъ, замѣчательно широко сложенный, совсѣмъ уже осѣдланый. Онъ строго водитъ ушами, жуетъ мундштучныя удила и нетерпѣливо роетъ копытами землю.

«Шалишь! Шалишь!» изрѣдка доносятся успокоительныя восклицанія конюха, гусара Бражникова. Небольшаго роста, коренастый, широкоплечій, съ черными бакенбардами, онъ крѣпко держитъ коня за трензельные поводья. Скобелевъ не любилъ ѣздить на уздечкѣ. Синяя венгерка на гусарѣ сильно истрепалась. Желтые гарусные шнуры мѣстами пооборвались. Дружески гладитъ онъ крутую шею своего любимца, морду, грудь, причемъ не забываетъ также провести своей широкой ладонью и по сытому круглому крупу, вплоть до самаго хвоста. Наконецъ выходитъ изъ своей палатки и самъ Скобелевъ, какъ всегда, въ кителѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, при шашкѣ. Онъ здоровается за руку съ каждымъ изъ офицеровъ. Тутъ находятся: капитанъ Баранокъ, поручикъ Ушаковъ, капитанъ Мельницкій, штабсъ-ротмистръ Эрдели, поручикъ Кауфманъ, поручикъ Лутцау, еще нѣсколько офицеровъ, и человекъ 20 казаковъ и осетинъ.

Командующій войсками направляется въ утреннюю прогулку къ аулу Беурма. Солнце еще невы-

*) Названіе одного мѣстечка въ Ахаль-Теке.

соко, и отъ всадниковъ ложатся на землю длинныя, уродливыя тѣни.

Генераль быстро садится на лошадь и съ мѣста-же трогается размашистымъ галопомъ. Вся свита едва поспѣваетъ за нимъ. Но что это за люди скачутъ далеко впередъ? Пыль такъ и стелется отъ нихъ, точно облако. Ужъ не текинцы-ли? Это наши джигиты, подъ начальствомъ своего предводителя, знаменитаго Нефесъ-Мергена, который когда-то спасъ жизнь Скобелеву въ Хивинскую экспедицію. Такъ вотъ теперь, этотъ самый Нефесъ-Мергенъ «освѣщаетъ мѣстность», зная, что генераль поѣдетъ кататься въ ту сторону.

Беурма отъ Баи верстахъ въ 12-ти. Въ ясный день она хорошо видна.

Безъ шуму, безъ разговоровъ скачутъ всадники. Впереди, передъ глазами, стелется небольшое рѣдкое поле кукурузы. Темноватая, спѣлая головки початокъ, на высокихъ, тонкихъ стебляхъ, одиноко покачивались по вѣтру изъ стороны въ сторону, какъ бы призывая хозяина воспользоваться ихъ плодами. Вдругъ генераль осаживаетъ коня и говоритъ, обращаясь къ офицерамъ:

— Господа! видите вы вонъ эту кукурузу? Представьте себѣ, что все это непріятель. Стройтесь къ атакѣ и по моей командѣ бросайтесь и рубите ей головы. Всѣ быстро выстраиваются.

— Маршъ-маршъ—раздается его команда. Всѣ офицеры и конвой, какъ вихрь, несутся въ атаку и скрываются въ облакахъ сѣрой пыли. И что-же въ результатѣ? Поручикъ Кауфманъ отрубилъ ухо у своей лошади, донской казакъ Рожковъ отрубилъ оба уха у своей лошади. Одинъ осетинъ изъ конвоя по-

ранилъ себѣ правое колѣно такъ сильно, что его пришлось немедленно отправить въ госпиталь.

— Ха! ха! ха! хохочетъ Скобелевъ.—Браво! браво! Ну, Мика! кричитъ онъ Кауфману,—не смѣйте мѣнять лошади! Извольте въ наказанье за свою не ловкость ѣздить на карнаухой. И долго еще раздавался, среди оторопѣвшаго конвоя, его веселый смѣхъ.

Такъ окончилась эта прогулка.

К а з н а ч е й.

Часовъ 5 утра. День солнечный, и общаетъ быть очень жаркимъ. Весь отрядъ уже на ногахъ, тѣсно построился на песчаной равнинѣ. Офицеры въ кителяхъ, ежась съ просонья отъ свѣжаго утренняго воздуха, собираются въ кружки. Кто поболтать, кто закурить, а кто выпить рюмочку. Садиться на землю еще неудобно, она сырая, и на рѣдкихъ, тощихъ стебелькахъ травы весело играетъ багровое утреннее солнце, то мигая, то отражаясь. Вонъ одинъ высокій пѣхотный поручикъ, рыжій, въ веснушкахъ, съ подстриженными на скорую руку усами и бородой, старательно подтягиваетъ ремень отъ револьвера. Другой, товарищъ его, маленькаго роста, кругленькій, безъ бороды и усовъ, никакъ не можетъ пропустить португю подъ погонь: тычетъ, тычетъ, не попадаетъ, сердится, и наконецъ, пропускаетъ. Ротные командиры, съ серьезными лицами, разгуливаютъ вдоль своихъ ротъ и озабоченно разговариваютъ съ фельдфебелями. Кавалерія выстроилась длиннымъ фронтомъ въ двѣ шеренги. Люди стоятъ около лошадей, съ поводьями въ рукахъ, въ полголоса разговариваютъ, и нетерпѣливо ждутъ знакомой протяжной команды: «Садитесь».

Во-о-онъ, дальше всѣхъ, протянулись въ безконечно-длинную вереницу верблюды съ обозными тяжестями. Съ продернутыми въ переносы веревочками, медленно, шагъ за шагомъ, выступаютъ они, подымая за собою тучи пыли. Нѣкоторые изъ нихъ упорно не желаютъ трогаться съ мѣста, рѣзко, неприятно ревутъ и скалятъ свои безобразныя морды. Обширный лагерь разомъ опустѣлъ. Повсюду валяются жестянки изъ-подъ сардинокъ, бутылки изъ-подъ сельтерской воды, пустыя коробки спичекъ, огарки свѣчекъ, обрѣзки лимона, тряпки, суконки и разный другой мусоръ. Палатокъ точно и не бывало. Вотъ, наконецъ, снимаютъ и просторную генеральскую палатку. Десятокъ дюжихъ рукъ разомъ берутъ ее, складываютъ, и только деревянные приколы еще указываютъ мѣстечко, гдѣ она стояла, но и тѣ вскорѣ убираются. Значитъ, генераль всталъ и сейчасъ покажется. Штабные,—ординарцы, адъютанты, въ томъ числѣ и я, вертимся тутъ же по близости и суетимся. Но вотъ появляется и командующій войсками.

— Здорово, братцы!—далеко раздается его звонкій картавый голосъ. Генераль здоровается съ конвоемъ осетинъ.

— Берекетъ-Берсенъ!—отвѣчаютъ тѣ на своемъ нарѣчьи. То-есть «будь здоровъ». Скобелевъ садится на лошадь. Свита его бросается тоже къ лошадямъ и садится. Генераль въ отличномъ расположеніи духа. Весело со всѣми здоровается, затѣмъ выѣзжаетъ на обширную площадь, гдѣ былъ лагерь, и вдругъ, къ удивленію своему, видитъ по срединѣ еще бѣлѣтъ чья-то неубранная палатка. Около нея вертится и хлопочетъ деньщикъ.

— Это кто тамъ еще дрыхнетъ!—сердито кри-

чить онъ, — припориываетъ лошадь и галопомъ направляется туда. Всѣ мы скачемъ за нимъ.

— Охъ! это вѣрно нашъ полевой казначей изволить почивать еще, думается мнѣ. И въ то же время припоминаю, какъ мнѣ еще на дняхъ пришлось будить его цѣлыя четверть часа. Долго бился я, да такъ и отсталъ ни съ чѣмъ; вдобавокъ, онъ же еще во снѣ чуть не прибилъ меня, до того сильно остервенился, отмахиваясь руками.

— Чья палатка? — раздается строгій голосъ Скобелева деньщику.

Такъ и есть:

— Полевого казначея, статскаго совѣтника Пушкирева, ваше превосходительство! — бойко отвѣчаетъ тотъ и вытягивается.

— Что же, развѣ онъ спитъ еще?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Что же ты его не будишь, — вѣдь отрядъ сейчасъ уходитъ! — уже добродушнымъ тономъ спрашиваетъ генераль. Гнѣвъ его переходитъ въ шутливое настроеніе.

— Да я будилъ, ваше превосходительство, да никакъ невозможно разбудить, — крѣпко спать люты! — отвѣчаетъ тотъ.

— Эй, снимай палатку! — повелительно кричитъ генераль, и самодовольно расправляетъ свои рыжія баки, передъ предстоящимъ веселымъ зрѣлищемъ. Моментально бросаются нѣсколько солдатъ и осторожно, торжественно снимаютъ ее. Глазамъ всѣхъ присутствующихъ представляется слѣдующая умильная картина: слегка прикрывшись простыней, въ одной бѣлой сорочкѣ, крѣпко почивалъ пожилой господинъ, съ длинной русой бородой, положивъ, для удобства,

подъ щеку ладонь. Одна нога его высунулась наружу. Въ изголовьяхъ стоялъ складной столикъ. На немъ виднѣлись: свѣчка, манишка, черный галстухъ и золотыя очки.

— Ха, ха, ха!.. раздается всеобщій дружный взрывъ смѣха.

На шумъ этотъ со всѣхъ концовъ сбѣгаются еще офицеры, и густой стѣной окружаютъ спящаго.

— Будите его! — шутливо кричитъ генераль. Бросаются будить — ничего не помогаетъ. Статскій совѣтникъ только мычитъ и въ просонѣ сердито брыкается. Онъ, бѣдный, конечно, и не подозреваетъ, что на него въ эту минуту смотрятъ сотни глазъ. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту веселую картину.

— Ваше превосходительство, — вставайте, генераль на васъ смотреть! — шепчетъ деньщикъ въ самое ухо своему барину. Эти слова подѣйствовали на спящаго сильнѣе всякихъ криковъ. Пушкиревъ широко раскрываетъ глаза, испуганно озирается, и, точно подстрѣленный, разомъ привскакиваетъ и садится среди кровати.

— Ха, ха, ха! — хохочетъ генераль, а за нимъ и вся публика.

У бѣднаго казначея куда и сонъ пропалъ. Сконфуженный, не говоря ни слова, кидается онъ на глаза всѣхъ искать свою одежду... Генераль уѣзжаетъ.

И что же! Этотъ случай, по словамъ деньщика, пошелъ его барину на пользу. Съ тѣхъ поръ достаточно было сказать ему: «Ваше превосходительство, генераль сейчасъ выѣзжаетъ!» — какъ онъ уже быстро спрыгивалъ съ кровати и принимался одѣваться.

Защитники.

Опять Баи. Время послѣ обѣда. Жара жестокая. Солнце такъ палитъ, что глазамъ больно смотреть. Воздухъ какой-то густой, — точно что дрожить въ немъ и переливается. Лагерь будто вымеръ. На улицѣ встрѣчаешь только того, кому необходимость крайняя идти. Куда ни взглянешь въ палатку, всѣ спать. Нѣкоторыя палатки сверху прикрыты бурками или войлоками, дабы не пропекало ихъ. Снизу же, съ тѣневой стороны, приподняты, чтобы вѣтеръ продувалъ.

Между тѣмъ, среди самага лагеря, возлѣ обширнаго обѣденнаго шатра, замѣтно оживленіе. Съ одной стороны полотно приподнято, и въ шатрѣ видны большой столъ и ряды стульевъ, разставленныхъ точно для какого представленія. Сегодня назначенъ полевой судъ надъ тремя текинцами-шпіонами, которыхъ захватили въ плѣнъ наши казаки. Одного изъ нихъ я долженъ защищать. Цѣлыхъ три дня возился я съ этимъ дѣломъ. Исписалъ нѣсколько листовъ, мучился. Ночи не спалъ. Все мнѣ представлялось: какъ-то я буду его защищать? что скажу? нельзя-ли совершенно оправдать? и т. д.

И вотъ насталъ, наконецъ, памятный для меня этотъ день суда. Въ три часа назначено засѣданіе.

Присутствовать будетъ самъ генералъ. Собираются остальные два защитника. Обвинитель. Много постороннихъ офицеровъ. Наконецъ приводятъ и обвиняемыхъ, — трехъ несчастныхъ оборванныхъ, исхудалыхъ босыхъ текинцевъ. Одинъ былъ въ халатѣ, а два другихъ, — въ однѣхъ длинныхъ рубахахъ и въ бѣлыхъ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ. Черные глаза ихъ, съ большими выпуклыми бѣлками, рѣзко выделялись на блѣдныхъ испуганныхъ лицахъ. Они сидѣли за шатрами, поджавши ноги, связанные по рукамъ. Солдатъ съ ружьемъ караулилъ ихъ.

Вотъ входитъ въ шатеръ и самъ генералъ. За нимъ начальникъ штаба Гродековъ. Всѣ торжественно занимаютъ свои мѣста. Мы, защитники, садимся рядомъ одинъ возлѣ другого.

Я нервно перелистываю тетрадь съ защитительною рѣчью. Мнѣ приходится говорить первому. Хотя въ шатрѣ была духота, но отъ волненія я совершенно забываю и думать о ней. Изрѣдка только чувствую, какъ по спинѣ катятся крупныя капли пота. Въ это время, вижу, входитъ въ шатеръ полный, симпатичный пріятель мой, эсаулъ Бабичъ, командиръ сотни, дежурный по отряду. Онъ останавливается вдали у дверей, дабы знать, когда ввести въ шатеръ перваго подсудимаго. Но только что предсѣдательствующій хотѣлъ обратиться къ Бабичу съ какимъ-то вопросомъ, какъ за шатромъ раздаются отчаянные крики: «Держи! держи! Лови! Лови ихъ!» — «Вонъ! вонъ! Вонъ гдѣ побѣгли!» и т. д. Всѣ мы стремительно выбѣгаемъ. И что-же узнаемъ: подсудимые бѣжали. Глазамъ нашимъ представляется слѣдующая картина: толстый эсаулъ Бабичъ, верхомъ на гнѣдомъ конѣ, свернувшися какъ-то весь на сто-

рону, маршъ-маршъ несется куда-то за лагерь съ обнаженной шашкой въ рукѣ. Правѣй его, къ горамъ, скачетъ солдатъ артиллеристъ безъ фуражки, тоже съ шашкой на голо. Впереди его, точно заяцъ, улепетывала какая-то фигура. За ними гонятся еще нѣсколько человѣкъ—пѣшихъ. Мѣстность-же, какъ нарочно, чрезвычайно была благопріятная для бѣглецовъ. Вся изрыта оврагами, арыками и ложбинами. Горы Капетъ-Дахъ, покрытыя лѣсомъ, близехонько темнѣли, передъ нами. Мы стоимъ, точно окаменѣлые, такъ все это неожиданно случилось. За спиной слышу сердитые возгласы генерала:

— Это чортъ знаетъ, какой безпорядокъ!

— Подъ судъ отдамъ всѣхъ!—и т. д.

Долго продолжалась погоня. Наконецъ, одинъ за другимъ, потные, усталые, возвращаются преслѣдователи. Счастливей всѣхъ оказался солдатъ артиллеристъ. Только онъ догналъ свою жертву и зарубилъ ее. Остальные убѣжали.

Такъ плачевно закончилось это судьбище, а вмѣстѣ съ нимъ и моя защита. Я такъ и не попытствовалъ узнать, мой-ли кліентъ спасся.

На другой день въ приказѣ по отряду, всему составу суда, а въ томъ числѣ и мнѣ, былъ отданъ строжайшій выговоръ за упущеніе по службѣ.

Спустя нѣкоторое время, выбравъ благопріятную минутку, говорю я генералу:

— Ваше превосходительство! За что-же защитники-то выговоръ получили, что текинцы бѣжали? Вѣдь мы ихъ не караулить должны были, а защищать.

— Ха! ха! ха! — хохочетъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Ну, ежели вы считаете себя обиженными, такъ запишите это къ зачету на будущее время.

Рекогносцировка Геокъ-Тепе

6-го іюля.

6-е іюля хотя ни въ одномъ календарѣ и не обозначено ничѣмъ замѣчательнымъ, но оно должно быть памятно для cadaго русскаго. Въ этотъ день, во время текинскаго похода въ 1880 году, была произведена покойнымъ Мих. Дм. Скобелевымъ изумительная по своей смѣлости рекогносцировка крѣпости Геокъ-Тепе.

При первомъ взглядѣ на эту рекогносцировку, иному читателю покажется, что въ ней ничего особенно смѣлаго и не было, такъ какъ участниковъ было почти 800 человѣкъ, но, вникнувъ внимательнѣе въ это дѣло, онъ пойметъ всю его трудность.

Надо помнить, что всего за годъ передъ этимъ, нашъ же отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ломакина, около 4 тысячъ человѣкъ, сунулся было штурмовать Геокъ-Тепе, и былъ съ великимъ урономъ отбитъ и прогнанъ, и вдругъ теперь подъ тѣми же стѣнами появляются тѣ-же русскіе, но только не тысячи, а сотни, тогда какъ защитниковъ въ крѣпости сосредоточилось со всего Ахаль-Теке около 30 тысячъ. При малѣйшей неудачѣ, спасенія отряду не было,—онъ долженъ былъ погибнуть, такъ

какъ набѣгъ производился налегкѣ, безъ всякихъ запасовъ и воды, въ ста слишкомъ верстахъ отъ ближайшей помощи и при жарѣ свыше 50 градусовъ. Но Скобелевъ считалъ необходимымъ прежде всего двинуться изъ Бами въ Геокъ-Тепе съ главными силами, осмотрѣть самому крѣпость, и насколько возможно ближе ознакомиться съ непріятелемъ.

Отъ Бами до Геокъ-Тепе было 115 верстъ. Отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, изъ которыхъ двѣ, Самурскаго полка, оставшихся еще здѣсь со времени прежней экспедиціи, были такъ слабы, что едва въ обѣихъ насчитывалось полтора человека; затѣмъ—трехъ сотенъ казаковъ, въ такомъ же слабomъ составѣ, четырехъ девяти-фунтовыхъ орудій, четырехъ картечныхъ, ракетной команды и взвода саперъ. При этомъ надо сказать, что текинцы, какъ отчаянные кавалеристы, презирали нашихъ казаковъ, у которыхъ маленькія, заморенныя лошадки, конечно, не могли идти въ сравненіи съ ихъ пятивершковыми чудными аргамаками. А потому вся надежда отряда возлагалась на пѣхоту и артиллерию.

При Скобелевѣ находились, кромѣ начальника штаба, полковника Гродекова, еще капитанъ Баранокъ *), капитанъ Ланге **), поручикъ Ушаковъ ***), поручикъ Кауфманъ, я и поручикъ Эрдели ****).

1-го іюля выступили довольно поздно. Прошли

*) Состоялъ въ послѣдствіи по особымъ порученіямъ при военномъ министрѣ.

**) Нынѣ г.-м., состоявшій при Е. И. В. Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ

***) Нынѣ полковникъ, состоитъ тоже при Е. И. В. Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

****) Нынѣ полковникъ, состоитъ при начальникѣ Главнаго Штаба.

всего 11 верстъ и заночевали въ аулѣ Беурмѣ. На другой же день мы тронулись еще до свѣта. Переходъ этотъ мы сдѣлали точно на крыльяхъ. Скобелевъ страшно любилъ бѣшеную скачку. Какъ только авангардъ нашъ, состоявшій изъ джигитовъ-туркменъ, замѣтилъ впереди нѣсколько текинцевъ и далъ по нимъ залпъ, Скобелевъ съ кавалеріей бросается за ними въ погоню, совершенно забывая объ остальномъ отрядѣ. Помню, лошади, горячася одна передъ другой, закусивъ удила, неслись за генераломъ, что дальше, то быстрѣе. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось такъ отчаянно долго скакать. Подъ конецъ я даже боялся за свою лошадь: какъ бы съ непривычки, думаю, не грохнулася она о-земь, тогда заднія измелютъ меня въ порошокъ...

Подъ Скобелевымъ былъ въ этотъ день его любимый, бѣлый, какъ снѣгъ, иноходецъ «Шейновъ». Кличка эта дана была ему за то, что на немъ генераль участвовалъ еще въ Турецкой кампаніи 77—78 годовъ при взятіи деревни «Шейнова». Любо было смотрѣть на нашего генерала, когда только что показавшіеся первые лучи солнца озарили его фигуру въ легонькомъ, сѣромъ пальто на красавцѣ «Шейновѣ», который, потемнѣвшій отъ поту, съ раздувшимися ноздрями, какъ вихрь неся по гладкой степи, обдавая себя облаками пыли... Оглядываюсь назадъ, смотрю, кавалерія наша—у-у-у какъ растянута. Только конвой осетинъ, сплоченной массой, въ своихъ папахъ, въ развѣвающихся по вѣтру буркахъ, грозно слѣдовалъ за начальникомъ. Всѣ скачутъ молча, сосредоточенно, съ озабоченными лицами, слышится только стукъ сотенъ копытъ о песчаную почву, да фырканіе и храпъ усталыхъ лошадей. Но вотъ показались

темные сады аула Арчмана. Мы вносимся въ нихъ, соскакиваемъ съ лошадей и спѣшимъ укрыться въ тѣни деревь. Жара наступаетъ почти одновременно съ восходомъ солнца.

Черезъ нѣсколько часовъ подтянулся и остальной отрядъ. Мы отдыхали здѣсь цѣлый день. 3-го и 4-го іюля мы опять провели въ пути.

5-го іюля, утромъ, съ одного небольшого пригорка, мы, наконецъ, увидели калу «Ягинь-Батырь». Сама по себѣ кала эта представляла, какъ и всѣ здѣшнія калы, четырехугольникъ, обнесенный глиняными стѣнами, сажени въ двѣ вышиною, который служилъ загонемъ для скота. Для насъ кала эта имѣла то важное значеніе, что за ней въ 12 верстахъ находилась главная крѣпость Геокъ-Тепе, гдѣ насъ ожидало все населеніе Ахала, вооруженное съ мала до велика и твердо рѣшившееся умереть за свою свободу.

Пристально смотрю я съ этого холмика. Передъ глазами на красно-желтоватой песчаной степи, верстахъ въ четырехъ, темнымъ пятномъ выдѣляются зеленые сады Ягинь-Батырь и за ними опять тянется ровная степь. Геокъ-Тепе отсюда еще не замѣтно. Мы всѣ послѣзали съ лошадей и всматриваемся въ даль, но нигдѣ не видно ни души. Ягинь-Батырь кала тиха и мертва. Трогаемся дальше, направляемся къ калѣ и, вслѣдъ за джигитами, карьеромъ въѣзжаемъ въ сады. Былъ полдень. Жара страшная. Мы всѣ обливаемся потомъ.

Надо сказать, что еще при самомъ началѣ похода я слышался отъ участниковъ прежней экспедиціи множество чудесныхъ разсказовъ о текинцахъ, какъ объ удивительной кавалеріи, и о быстротѣ ихъ

коней. Поэтому не удивительно, что меня съѣдало любопытство увидѣть поближе хоть одного текинца. Едва слѣзъ я съ лошади, какъ взбираюсь на переднюю глиняную стѣнку сада и смотрю въ бинокль.

— Вонъ, майоръ, видите тамъ, за гребнемъ горизонта, синеватый холмъ, это ихъ сторожевой курганъ,—объясняетъ мнѣ бравый артиллерійскій капитанъ Полковниковъ, отличившійся еще въ прошлую экспедицію противъ текинцевъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ.

— Тамъ у нихъ и пушка стоитъ, и они стрѣляютъ изъ нея въ торжественныя минуты и этимъ подаютъ сигналы.—Съ лихорадочнымъ интересомъ продолжаю всматриваться въ даль, и вдругъ начинаю замѣчать, что изъ-за зеленоватаго гребня, скрывающаго горизонтъ, начинаютъ появляться всадники. Они длинными, безконечными вереницами спускаются съ гребня шагомъ въ нашу сторону, съ какимъ то недоумѣвающимъ видомъ, точно они все еще сомнѣвались, чтобы мы, русскіе гяуры, осмѣлились такъ близко подойти къ ихъ столицѣ въ такомъ ничтожномъ числѣ.

Текинцы выползаютъ изъ-за гребня все больше и больше. Линія горизонта протянулась передо мной, по крайней мѣрѣ, верстъ на 10, считая влѣво отъ подножія горъ Копе-Даго до песковъ, которые, подобно морю, терялись въ пространствѣ.

Вдоль стѣнки, на которой я сижу, расположились кучки любопытныхъ солдатъ. Кое-гдѣ видны и офицеры. Они тоже пристально наблюдаютъ за неприятелемъ. Слышатся восклицанія: «Ой, братцы, да какая же ихъ и сила! Эва-но, вправо-то за курганомъ что ихъ скопилось!» Между тѣмъ текинцы все

выползали и выползали изъ-за гребня. Приблизившись такъ на пушечный выстрѣлъ, они слѣзаютъ съ лошадей и съ поводьями въ рукахъ разсаживаются въ кучки. Мнѣ ясно видно въ бинокль, какъ изъ за распахнувшихся на ихъ колѣняхъ коричневыхъ халатовъ виднѣлись вторые халаты не столь яркаго цвѣта. Большинство лошадей ихъ покрыты длиннѣйшими сѣрыми попонами. Текинцы съ замѣтнымъ любопытствомъ тоже смотрятъ на нашу сторону, разсуждаютъ между собой, при чемъ энергично размахиваютъ руками.

Стѣнка, гдѣ я сидѣлъ, была вся на солнцѣ. Несмотря на убійственную жару, я, какъ пригвожденный, все глядѣлъ и глядѣлъ, настолько картина передъ глазами была для меня нова и интересна.

«Такъ вотъ они, текинцы! думалось мнѣ.—Посмотримъ, чья возьметъ!» И въ восторгѣ, что, наконецъ, вижу давно желанныхъ текинцевъ, совершенно забываю о томъ, что ихъ чуть не въ 50 разъ больше, чѣмъ насъ. Въ эту минуту слышу позади себя сдержанный разговоръ: «Повѣрь, милый ты мой, что наша кавалерія имъ ни почемъ. Вотъ «топъ-топъ» *) они боятся, да еще пѣхоты. Это тоже имъ не по нутру. А казаки, попробуй, —хоть на минуту отдѣлись отъ пѣхоты—моментально изрубятъ». Оглядываюсь, смотрю, два пѣхотныхъ офицера, изъ которыхъ одинъ участникъ прежней экспедиціи, высокій, рыжій, въ очкахъ, съ лицомъ, изрытымъ оспой, идутъ вдоль стѣнки и, не глядя на текинцевъ, сумрачно толкуютъ.

«Вотъ увидишь, дѣло будетъ дрянъ! Чего онъ суется прямо имъ въ горло, много-ли насъ!» —слышу я.

*) Текинцы называли наши пушки топъ-топъ.

Разговоръ этотъ точно пробуждаетъ меня отъ какого-то очарованнаго сна и я, озабоченный, отправляюсь въ сады искать товарищей. Смотрю: Ушаковъ, Кауфманъ, Эрдели уже давно мирно почиваютъ подъ деревьями. Не успѣлъ я лечь отдохнуть, какъ генераль требуетъ меня къ себѣ и вручаетъ предписаніе. Изъ этого предписанія узнаю, что отрядъ завтра, чуть свѣтъ, выступаетъ подъ Геокъ-Тепе, я же долженъ немедленно привести калу въ оборонительное положеніе и запереться въ ней съ одной полуротой. Кромѣ того, мнѣ назначались въ помощь деньщики, всѣ обозные, конюха, всѣ слабые и больные. Такъ что всего у меня скопилось около 70 человѣкъ и одна картечница. Кала должна была составлять для отряда опорный пунктъ.

Съ лихорадочной поспѣшностью брешусь выполнять приказаніе. У меня оказались отличные помощники: прапорщикъ Панфиловъ и гардемаринъ Майеръ. Ко времени выступленія отряда весь мой гарнизонъ уже стоялъ на подмосткахъ и съ любопытствомъ выглядывалъ изъ-за стѣнъ. Входъ въ калу былъ крѣпко загороженъ, и воды запасено на цѣлыя сутки.

Чуть свѣтъ отрядъ вытянулся изъ садовъ и направился къ Геокъ-Тепе. Я, какъ и наканунѣ, забрался на самое удобное мѣсто на стѣнѣ, и уперся глазами въ бинокль. Впереди всѣхъ, какъ и во время всего движенія отъ Бами, скачетъ сухощавый, съ рысьими глазами и точно выщипанной бородкой, начальникъ джигитовъ Нефесъ-Мергентъ, старый сподвижникъ Скобелева въ его хивинскихъ походахъ. Джигиты съ гикомъ несутся, размахивая локтями, и, точно ищейки, высматриваютъ по сторонамъ, не увидятъ ли гдѣ добычи. Впрочемъ, смѣлость ихъ основана исключитель-

но на близости отряда. Во время движенія изъ Бами, мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть, чуть только гдѣ вдали покажется непріятель, они или останавливались, или маршъ-маршемъ скакали назадъ, пока не слышатъ знакомый, повелительный, картавый голосъ Скобелева: «Нефисъ-Мергенъ, пошелъ впередъ! Чего вы тутъ скопились, какъ зайцы! Въ плети велю гнать!» и тѣ круто поворачиваютъ назадъ и опять, какъ крыльями, размахиваютъ локтями.

Въ началѣ я разбираю всѣхъ въ лицо: вонъ генералъ на сѣрой, могучей кобылѣ, тоже бывшей въ турецкомъ походѣ. Вонъ Ланге, вонъ Ушаковъ, Эрдели, вонъ Гродековъ на гнѣдомъ кабардинцѣ. Отрядъ двигается быстро, держась подножія горъ. Онъ такъ тѣсно сплоченъ, точно, какъ говорится, молотками сбитъ. Все дальше, дальше—уже отдѣльные лица теряются въ пространствѣ. Отрядъ направляется прямо на курганъ, верстахъ въ 3-хъ отъ нашей калы. Смотрю пристальнѣе, и ясно вижу цѣлую шайку текинцевъ, притаившуюся въ тѣни кургана. Она такъ ловко спряталась, что простому глазу была почти незамѣтна. Но вотъ тутъ-то наши джигиты и сослужили службу. Они живо открыли непріятеля, и со страшнымъ крикомъ, который даже долетѣлъ до нашей калы, понеслись назадъ. Удивительно эффектную картину представили эти текинцы, когда вынеслись изъ-за кургана вслѣдъ за джигитами. Первые секунды ничего, кромѣ облака пыли, не было видно. Когда же оно разсѣялось, то надъ отрядомъ появляется бѣлое облако, слышится рѣзкій, шипящій взрывъ, взвивается ракета, и вся толпа текинцевъ поворачиваетъ назадъ и скрывается. Отрядъ все удаляется, съ каждымъ шагомъ становится все меньше и меньше и, наконецъ, превращается въ черную точ-

ку. Но вотъ со сторожевого кургана Геокъ-Теше раздается вѣстовой тревожный выстрѣлъ. Взглядываю въ ту сторону—клубъ бѣлаго дыма медленно вздымается къ небу. Солнце уже порядочно взошло и ярко освѣтило окрестности. Влѣво отъ меня виднѣлись безконечные, золотистые пески, вправо же, гдѣ двигался отрядъ, темнѣли фіолетовые скаты Копе-Дага, мѣстами покрытые лѣсомъ.

Впереди, на горизонтѣ, изъ-за гребня холма начинаютъ опять появляться вереницы всадниковъ. Всмотриваюсь пристальнѣе, чтобы убѣдиться—много ли ихъ, и просто поражаюсь. Полчаса тому назадъ горизонтъ былъ чистъ, только-кое гдѣ виднѣлись одиночные всадники. Теперь же, куда ни взглянешь—вездѣ текинцы. Но это уже не тѣ флегматичные зрители, что были вчера. Сегодня они точно напились какого-то дурмана. Съ ревомъ несутся изъ стороны въ сторону, сбиваются въ кучи и опять разсыпаются. За плечами у всѣхъ ружья съ рогатками. У нѣкоторыхъ за спиной на сѣдлѣ сидитъ еще по человѣку,—это должно быть бѣдняки, у которыхъ нѣтъ своей лошади. Свирѣпые крики ихъ ясно достигаютъ до нашихъ ушей.

— Ой, ой, что ихъ! Господи помилуй! съ нами крестная сила! Царица Небесная! — слышатся мнѣ восклицанія моихъ солдатъ со стѣнъ.

Точно муравьи внезапно разтревоженного муравейника, тысячи текинцевъ усѣяли черными точками желтоватый горизонтъ. Первое время они несутся изъ стороны въ сторону, повидимому, безъ всякаго опредѣленнаго назначенія. Кричатъ, визжатъ, крутятся. Но вотъ, понемногу, они начинаютъ скопляться въ массы. Сердце мое начинаетъ биться силь-

нѣй. Вижу, что-то у нихъ затѣвается. Замѣчаютъ-ли это наши?—мелькаетъ у меня въ головѣ. Ищу отрядъ.—Да гдѣ-же онъ! Куда ни взгляну—вездѣ текинцы. Боже, сколько ихъ! Старательно слѣжу биноклемъ по подножію горъ, и, наконецъ, настигаю своихъ.

— Фу, ты, Богъ мой, какая ихъ крошечная кучка! Неужели они устоятъ противъ этой громады!—И сердце мое невольно сжимается при одной мысли о неудачѣ. А вѣдь съ гибелью отряда, гарнизону моему, конечно, тоже не было-бы спасенія. Но уже такова человѣческая натура, — пока живъ, трудно свыкаться съ мыслью о смерти.

При томъ-же, вся обстановка кругомъ была такъ нова, такъ торжественно интересна. Самая природа съ ея ослѣпительно-яркимъ солнцемъ и чуднымъ темно-синимъ небомъ, прозрачнымъ, еще не нагрѣвшимся, свѣжимъ воздухомъ, такъ и тянула къ жизни.

— Бу-у-у!...—раздается далеко, далеко впереди.

— Это наши, наши! — съ живѣйшей радостью кричатъ мои солдаты. Въ калѣ подымается сильнѣйшее оживленіе. Всѣ, даже слабые, прилегшіе было отдохнуть, повзлѣзали на стѣнку и давай смотрѣть. Но простымъ глазомъ трудно что-либо разобрать. Только клубы бѣлаго дыма, взвивающіеся по временамъ въ воздухъ, указывали направленіе отряда. Смотрю въ бинокль и невольно опять прихожу въ ужасъ. Такого количества кавалеріи, какое скопилось въ эту минуту въ полуверстѣ отъ отряда, я никогда не видывалъ. Что передъ ней тѣ двѣ-три дивизіи, которыя бывали въ Красномъ Селѣ въ лагеряхъ, на ученияхъ всей кавалеріи, или на парадахъ!—Ничто.—Тутъ

скопище тысячъ въ десять всадниковъ, по крайней мѣрѣ. И передъ этимъ-то скопищемъ кровожадныхъ звѣрей въ образѣ человѣческомъ, съ ножами въ зубахъ, съ шашками на-голо, бѣлѣетъ кучка нашихъ, едва-едва замѣтная въ бинокль. Смотрю чуть правѣе, и вижу: такая-же многотысячная толпа текинцевъ, только уже разсѣянная нашими пушечными выстрѣлами, уносилась во весь карьеръ, преслѣдуемая облакомъ пыли. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, отрядъ нашъ все подается впередъ, окруженный непріателемъ. Ясно, что у него нѣтъ твердой, руководящей силы, которая сдумала-бы заставить ихъ, несмотря на наши выстрѣлы, броситься и смять гауровъ. Въ безсильной злобѣ они съ гикомъ вьются возлѣ отряда и не даютъ ему ни минуты покоя. Но вотъ отрядъ заворачиваетъ правымъ плечомъ, и прямикомъ направляется къ ихъ родному гнѣзду, т. е. къ Геокъ-Тепе, и вскорѣ скрывается за горизонтомъ. Довольно долго послѣ этого слышались еще наши выстрѣлы, но подъ конецъ и ихъ не стало. Когда они прекратились, невольно у каждого изъ насъ закралось сомнѣніе, что-то будетъ? Послѣ прошлогодняго погрома нашего отряда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, понятно, непріатель теперь былъ увѣренъ, что или захватить насъ живьемъ, или уничтожить до послѣдняго.

Какъ теперь помню, съ какимъ томительнымъ ожиданіемъ проходили для нашего гарнизона эти часы. Какъ тревожно прислушивались мы, не раздастся-ли пушечный выстрѣлъ. Вотъ уже и за полдень перевалило. Солнце, точно заодно съ текинцами, разозлилось на насъ и печетъ немилосердно. Блеститъ такъ, что смотрѣть въ даль невозможно. Гарнизонъ почти весь, кромѣ часовыхъ, разбрелся на калѣ и улегся подъ

примостками. Наконецъ, уже подъ вечеръ, такъ часа въ четыре, раздались давно желанные выстрѣлы, и на горизонтѣ показались толпы текинцевъ, а за ними и отрядъ. Онъ поминутно отстрѣливается и, то съ той, то съ другой стороны, надъ нимъ взвиваются бѣлые дымки. Толпы текинцевъ, не столь многочисленныя, но, должно быть, самыя отчаянныя, казалось, по мѣрѣ приближенія отряда къ нашей калѣ, все бѣшенѣе крутились возлѣ отряда. Имъ все очевиднѣе становилось, что гяуры ускользаютъ безнаказанно изъ ихъ рукъ. Но вотъ отрядъ ближе, ближе. Непріятель, точно снѣгъ на горячемъ солнышкѣ, быстро исчезаетъ,—и мы это ясно видимъ, — Скобелевъ, все на той же сѣрой кобылѣ, шагомъ подъѣзжаетъ къ садамъ. За нимъ слѣдуютъ Гродековъ и остальные. Кажется, всё, слава Богу, живы и здоровы. Я выѣзжаю къ генералу и рапортую о благополучіи, причемъ замѣчаю, что лошадь подъ генераломъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ранена: красныя кровавыя пятна ярко выдѣлялись на сѣрой масти.

— Опасный, батенька, непріятель, очень опасный! А все-таки у него не хватило духу сдѣлаться съ нами!—весело кричитъ онъ мнѣ.

Рекогносцировка обошлась намъ въ нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; непріятель потерялъ гораздо больше.

Казалось, съ возвращеніемъ нашихъ изъ — подъ Геокъ-Тепе опасность миновала. Но Скобелевъ отлично зналъ врага, и былъ увѣренъ, что ночью на нашъ лагерь будетъ нападеніе. Поэтому, генераль рѣшилъ принять всевозможныя мѣры. Прежде всего необходимо было порубить обширныя сады, которыхъ по нашей малочисленности мы не могли занять. Все

это было поручено капитану Баранку, и, надо правду сказать, просьбы были сдѣланы настолько широки, что положительно, только благодаря имъ, мы остались въ эту ночь цѣлы и невредимы. Опасенія Скобелева вполне оправдались. Непріятель отлично понималъ, что ночью пушки наши не могутъ быть имъ такъ опасны, и вся сила будетъ на ихъ сторонѣ.

Усталый, измученный отрядъ вскорѣ крѣпко заснулъ, конечно, разставивъ сильныя посты. Подъ утро я съ Ушаковымъ просыпаемся, — что-то такое щелкаетъ подлѣ насъ. Слышимъ: чаще, чаще. Да вѣдь это стрѣляютъ по насъ. Нападеніе! — догадываемся мы. Кидаемся къ генералу, но его уже давно Баранокъ разбудилъ, и оба они убѣждали провѣрять сторожевыя цѣпи. Уже начало разсвѣтать и непріятельскіе выстрѣлы прекратились. Потомъ оказалось, что текинцы ночью въ большихъ силахъ подползли садами близехонько къ отряду, но наткнулись на просьбы, которыя представляли широкія прогалины, и остановились. Притомъ-же наши посты не отвѣчали на ихъ безпорядочную стрѣльбу и грозно молчали. Скобелевъ еще наканунѣ строго воспретилъ отвѣчать по одиночнымъ выстрѣламъ. И вотъ, эта-то тишина также напугала ихъ, черезъ что непріятель потерялъ драгоцѣнное время. Тьма разсѣялась, солнце блеснуло, и «топъ-топъ» наши снова заговорили. Текинцы толпами поползли отъ садовъ на приличную дистанцію.

Часа черезъ два отрядъ благополучно выступилъ изъ Ягинъ-Батырь и потянулся по старой дорогѣ, а черезъ три дня былъ въ Баши.

Рекогносцировка 6 іюля имѣла громадное значеніе для дальнѣйшаго успѣха нашей экспедиціи. Кромѣ того, что Скобелевъ ознакомился съ характеромъ не-

пріятеля, — онъ лично осмотрѣлъ самую крѣпость, ея окрестности, и тѣмъ заранѣе обезпечилъ успѣхъ предстоявшаго штурма. А что главное, какъ генералъ и рассчитывалъ, — возвратилъ бодрость духа бывшимъ участникамъ прежней Ломакинской экспедиціи, коихъ было не мало въ нашемъ отрядѣ, а также сильно поднялъ престижъ нашъ въ Средней Азіи, который былъ страшно поколебленъ за послѣднее время.

Товарищи.

Былъ августъ мѣсяцъ. Я только что перебрался изъ мѣстечка Бами, гдѣ скопились главныя силы нашего отряда, въ укрѣпленіе Бендесены, куда я былъ назначенъ комендантомъ. Оно находится при самомъ входѣ въ ущелье горъ Копетъ-Дагъ. У подножья этихъ горъ протянулась обширная долина, покрытая сочною травой. Долина эта орошалась маленькимъ ручейкомъ и потому вѣчно была зеленая, что составляло рѣзкую противоположность съ остальною песчаною мѣстностью.

Вотъ на этой-то долині, да на прилегающей горѣ и расположилось Бендесенское укрѣпленіе.

Въ моемъ распоряженіи были три роты пѣхоты, сотня казаковъ, 1 орудіе и еще охотничья команда. Эта послѣдняя, хотя нѣсколько дней всего какъ была сформирована, но уже успѣла сдѣлаться грозой для непріятеля. Безъ нея плохо пришлось бы баминскому гарнизону. Текинцы совсѣмъ-было завладѣли Бендесенскимъ переваломъ: такъ, несмотря на отчаянную храбрость охотниковъ и ихъ энергію, всего за два дня до моего прихода въ Бендесены, въ самомъ этомъ ущельѣ убили нѣсколькихъ нашихъ солдатъ, которые

конвоировали партію лошадей. Лошадей, конечно, текинцы захватили. Между ними попался и любимый Скобелевскій иноходецъ «Шейновъ», на которомъ Скобелевъ въ Турецкую кампанію, подъ деревнею Шейновымъ, такъ блистательно разбилъ турокъ и полонилъ всю армію Весселя-паши. Бендесенское ущелье, какъ только я подъѣхалъ къ нему, сразу мнѣ не понравилось. Оно крайне было опасно. Со всѣхъ сторонъ, изъ-за безчисленнаго множества горъ, холмиковъ и пригорковъ, ведетъ къ дорогѣ множество незамѣтныхъ тропинокъ. Когда ѣдешь, такъ и кажется, что вотъ сейчасъ изъ-за этого бугорка выскочитъ партія текинцевъ и искрошитъ тебя. Мѣстность вообще была такова, что достаточно засѣсть десятку стрѣлковъ, дабы остановить сильный отрядъ. И вотъ, для очистки этого ущелья, Скобелевъ и придумалъ сформировать охотничью команду. Кликнули кличъ по всѣмъ частямъ, и вызвали самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Въ команду эту шли въ особенности охотно тѣ люди, которые не любили нести обязательную службу, какъ-то: ходить въ караулъ, стоять на часахъ, въ секретахъ, работать въ провіантскихъ складахъ, и вообще тѣ, которые любили быть на волѣ и, конечно, обладали извѣстною долей храбрости и смѣлости. Такъ какъ охотничья команда рѣдко ходила въ полномъ составѣ на розыски непріятеля, то людямъ приходилось отдыхать чуть не цѣлую недѣлю, и тогда уже они предавались, можно сказать, безпросыпному снанию. Командиромъ ихъ былъ назначенъ первое время прапорщикъ Усачевъ. Черненькій, маленькій, широкоплечій, еще совсѣмъ молодой, лѣтъ 20, онъ былъ точно рожденъ охотникомъ. Цѣлые дни и ночи шнырялъ онъ со своими

молодцами по ущельямъ горъ. Охотники появлялись тамъ, гдѣ текинцы и не подозрѣвали ихъ встрѣтить. Подползали, днемъ на привалѣ, ночью на почлегѣ, рубили, стрѣляли и, что хуже всего для нихъ было, отгоняли и уводили лошадей. Этого текинцы рѣшительно не переносили. Тѣмъ болѣе, что сами они ничѣмъ не могли попользоваться отъ охотниковъ. Что у него есть? Одна рубаха, да шаровары—и тѣ почти всегда изодранные, да сумка съ сухарями. Положимъ, у охотниковъ есть ружье—берданка, столь драгоценная для непріятеля. Но ее, какъ говорится, голыми руками не вдругъ возьмешь. Ну, вотъ и стали текинцы понемногу очищать перевалъ и вскорѣ совершенно его очистили. Путь по немъ вполнѣ сталъ безопасенъ.

Я часто удивлялся отважности охотниковъ. Случалось, ѣдешь ущельемъ, смотришь, высоко на вершинѣ стоитъ себѣ солдатикъ, преспокойно посматриваетъ по сторонамъ, и, точно коршунъ, выглядываетъ себѣ добычу. Ну, подкрадись непріятель подъ него, вѣдь, какъ мишень какую, могутъ разстрѣлять. А онъ хоть бы что. Постоитъ, постоитъ, спустится, на другую гору подыметъ, опять высматриваетъ. Гдѣ найдешь еще такихъ солдатъ, какъ наши? частенько приходило мнѣ въ голову, смотря на этихъ охотниковъ. И вѣдь никогда никакой жалобы или какого неудовольствія. Всегда веселы, довольны.

Часть укрѣпленія въ Бендесенахъ, какъ я уже сказалъ, была на горѣ, при самомъ входѣ въ ущелье, а часть на долині, у подножья горы. Здѣсь расположилась и охотничья команда, въ земляномъ баракѣ.

Вотъ днемъ, послѣ обѣда, я осматриваю лагерь и подхожу къ охотничьему бараку. Чтобы не без-

покоить людей, осторожно заглядываю въ дверку. Въ баракѣ человѣкъ 30-ть. Значить, половина ушла въ горы. Тѣ, что на-лицо, — кто спитъ, кто спдитъ, разговариваютъ, третьи играютъ въ карты, въ дураки. Всѣ они расположились на высокихъ нарахъ изъ дерну, покрытыхъ широкими войлочными кошмами. Хотя карты были строго запрещены въ отрядѣ, но у охотниковъ онѣ имѣлись, какъ исключеніе. Двое играютъ, а человѣкъ пять обступили и съ любопытствомъ смотрятъ. Въ одеждѣ ихъ смѣсь полная: тутъ и саперы, тутъ и простая пѣхота, тутъ и казаки, и драгуны! Однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь.

— Го! го! го! опять пятокъ! хохочутъ наблюдающіе, такъ спокойно, весело, точно у себя дома въ деревнѣ. Очевидно, имъ теперь никому и въ голову не приходитъ, что, можетъ быть, еще въ нынѣшнюю же ночь имъ придется столкнуться гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ ущельѣ, съ непріателемъ и лечь костями.

Какъ разъ возлѣ дверей, гдѣ я стою, головою къ свѣту разлегся на спинѣ здоровенный рябой дѣтина. Онъ держитъ въ рукахъ растрепанный молитвенникъ, и на гласъ 8-ой съ истиннымъ наслажденіемъ напѣваетъ вполголоса: «На божественной стражѣ богоглаголивый Аввакумъ да станеть»...

— Здорово, братцы! — кричу имъ, входя въ баракъ.

Моментально, точно ужаленные, вскакиваютъ они.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! — раздается по казармамъ веселый отвѣтъ.

Карты спрятаны, молитвенникъ тоже улетѣлъ куда-то въ сторону.

— Скоро своихъ ждете?

— Такъ точно, сегодня вечеромъ прапорщикъ общались быть!

Я иду дальше. Нѣкоторое время въ баракѣ сохраняется тишина, но вскорѣ опять слышу тотъ же настойчивый, заунывный голосъ: «Да станеть съ нами и покажетъ».

Вотъ поди же, какъ этотъ молодецъ старательно распѣваетъ божественное! — разсуждаю про себя. — А попадись ему неосторожный текинецъ, живо подстрѣлить.

Вслѣдствіе того, что въ Бендесенской долинѣ былъ такой чудный подножный кормъ, Скобелевъ рѣшилъ устроить здѣсь лазаретъ для больныхъ верблюдовъ. Къ этому времени отъ усиленной перевозки тяжестей, а главное — отъ неумѣнія солдатъ обращаться съ этими животными, верблюды начали падать у насъ въ транспортахъ и караванахъ ежедневно, чуть не сотнями. Главная болѣзнь заключалась въ томъ, что горбы ихъ отъ неумѣлой навьючки сбивались, и образовывались раны. Затѣмъ, благодаря жарѣ, раны эти быстро превращались въ громаднѣйшія гнѣзда червей и гноя, отчего верблюдъ и погибалъ. И стали ихъ ко мнѣ пригонять сотнями. Медленно, шагъ за шагомъ, точно выныривали мои бѣдные пациенты изъ тѣснаго ущелья и широко расплывались по зеленой долинѣ, вытянувъ свои длинные шеи и пугливо поглядывая по сторонамъ. Многихъ удалось намъ вылечить, но больше того, во много разъ, переколѣло. Закапывать ихъ было очень трудно. Воздухъ заражался на далекое пространство.

Тяжелое мнѣ было житье здѣсь въ первое время, пока я не свыкся со своимъ положеніемъ. Днем томительная жара. На градусникъ хоть и не смотри,

навѣрное около 50° по Реомюру. Ночью одолѣвала боязнь, какъ бы непріятель не напалъ, да не изрубилъ сонныхъ. Въ особенности я сталъ опасаться послѣ того, какъ текинцы напали на сосѣднее укрѣпленіе Хаджамъ-Калу, верстахъ въ 20-ти отъ меня.

Помню, лежишь, бывало, ночью на своей койкѣ, какъ есть не раздѣваясь, и тревожно прислушиваешься, не раздастся ли гдѣ съ секретовъ выстрѣлъ. Но что хуже текинцевъ разстраивало мнѣ нервы, такъ это шакалы. Каждую ночь обязательно, сейчасъ же послѣ восхода луны, подымался у нихъ возлѣ лагеря концертъ, да такой, что просто мурашки забѣгаютъ по тѣлу. Концертъ этотъ невозможно передать: онъ не поддается описанію.

Разъ какъ-то сижу въ своей кибиткѣ, вдругъ входитъ пожилой маіоръ, лѣтъ 55-ти. Фамилія ему была Бекузаровъ. Средняго роста, широкоплечій, съ небольшою черной бородкою. Китель бѣленькій, черезъ плечо шашка на черной португелѣ. Маіоръ является мнѣ и говоритъ, что онъ командированъ въ Бендесены завѣдывать верблюжьимъ лазаретомъ. По загорѣлому, шидроватому лицу его, съ крупными чертами, видно было, что человѣкъ этотъ много перенесъ на своемъ вѣку. Онъ оказался туркестанцемъ и почему-то сразу мнѣ понравился. Я предложилъ ему пока поселиться въ моей кибиткѣ. Поставили койку, и мой маіоръ живо устроился. Живетъ недѣлю-другую.

Однажды послѣ зари собираемся мы спать. Несмотря на дневную жару, ночи здѣсь бывали свѣжія. И вижу я, при свѣтѣ огарка, вставленнаго въ бутылку изъ подъ сельтерской воды, какъ мой Беку-

заровъ съ великимъ оханьемъ и крахтеньемъ укрывается буркою, дабы нигдѣ не дуло.

— Да ну, маіоръ, полно вамъ, сейчасъ и спать! Расскажите лучше что-нибудь про ваши туркестанскіе походы! Не встрѣчались ли вы тамъ гдѣ-нибудь съ нашимъ Скобелевымъ? Вѣдь онъ тоже дѣлалъ походы съ Кауфманомъ.

— Какъ не встрѣчался!—удивленно восклицаетъ онъ, приподымаетъ голову отъ подушки и смотритъ на меня своимъ грубымъ, добродушнымъ лицомъ, съ толстымъ какъ картошка носомъ.

— Развѣ я вамъ не рассказывалъ!—оживленно кричитъ онъ, и снова опускается на постель.—Вѣдь мы съ нимъ товарищи были. Вмѣстѣ Хивинскій походъ дѣлали. Онъ чуть было разъ совсѣмъ не погибъ въ одномъ мѣстѣ.

— Какъ такъ? ■

— Да такъ!—и затѣмъ, понизивъ голосъ, предупредительно говоритъ:

— Пускай только «чакалки» отвоюютъ!—Дѣйствительно, въ эту самую минуту «чакалки» исподволь, одинъ за другимъ, затягивали свой дьявольскій концертъ: сначала одинъ тявкнетъ, потомъ другой, третій, четвертый, и все на разные голоса, и вѣдь, казалось, такъ близко, что даже явственно раздавалось щелканье ихъ голодныхъ челюстей одна о другую. Затѣмъ вдругъ, точно по командѣ, сотни этихъ голосовъ сливались въ одинъ ужасный вой. И пошла потѣха. У меня невольно мурашки пробѣгали по тѣлу во время этой музыки. Когда все это кончилось, сожигатель мой начинаетъ:

— Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ и командовалъ ротою. Кромѣ того у меня была еще сотня казаковъ и одно орудіе. Мы развѣдывали хивинцевъ. Вдругъ на одномъ привалѣ нагоняетъ меня молодой гвардеецъ, офицеръ. Высокій, стройный блондинъ. Лошадь отличная, какъ сейчасъ вижу, рыжій жеребецъ. Позади слѣдовалъ проводникъ, тоже изъ хивинцевъ. Такой шустрый, глаза такъ и бѣгаютъ, какъ у рыси, небольшого роста, худенькій.

— Не помните ли, какъ его звали!—съ интересомъ восклицаю я,—можетъ быть, Нефесъ Мергенъ?

— Кажись, что такъ!—отвѣчаетъ рассказчикъ.

— Ну, такъ онъ теперь здѣсь, джигитами при генералѣ завѣдуетъ, говорю я.—Бородка у него рѣдѣнькая, точно кто выщипалъ.

— Честь имѣю, говорить, явиться, капитанъ Скобелевъ, прикомандированъ къ вашему отряду,—продолжаетъ рассказывать маіоръ.

— Что съ нимъ дѣлать, думаю. Пускай себѣ идетъ вмѣстѣ. Ладно,—трогаемся дальше. И вижу я, что моему капитану все отличиться хочется. Такъ вотъ все и пристаётъ ко мнѣ:—позвольте, капитанъ, я вамъ розыщу непріятеля. Позвольте мнѣ только хотя взводъ казаковъ.—А чего ему дать, коли они всѣ обезножили.

Ужъ не помню теперь, какимъ только образомъ, на одномъ переходѣ отдѣлился онъ отъ насъ со своимъ проводникомъ и пропалъ. Приходимъ на привалъ,—нѣтъ моего капитана. Какъ быть, гдѣ искать? Вдругъ смотримъ—скачетъ его проводникъ и машетъ намъ своею шапкой. Бросаемся за нимъ, и находимъ бѣднаго Скобелева. Лежитъ онъ въ тѣни, между двумя

курганами безъ всякаго движенія. Лицомъ въ песокъ, руки распростерты и вся спина исколота, какъ рѣшето. Ну, такъ и плаваетъ въ крови. Скорѣй давай его отхаживать, обмывать водою,—ничего, слава Богу, ожилъ.

Потомъ, какъ поправился, рассказалъ онъ мнѣ слѣдующее: проводникъ сообщилъ ему, что въ такомъ-то мѣстѣ скопилась шайка хивинцевъ. Ну, ему и захотѣлось, прежде чѣмъ донести объ этомъ, самому лично удостовѣриться. Поѣхалъ, да и попался. Хорошо, что еще послушался проводника, соскочилъ съ лошади, да подъ кошму спрятался. Ну, шайка и пронеслась мимо. Но нѣкоторые все-таки спрашивали проводника, чтó у него подъ кошмою, и, не вѣря, что ничего нѣтъ, на всякій случай прокалывали ее шашками насквозь. Скобелевъ же, собравъ всѣ свои силы, лежалъ ни живъ, ни мертвъ и, чтобы не крикнуть, закусилъ губы. Конечно, онъ все это устроилъ въ надеждѣ, что ежели откроетъ хивинцевъ, получить за это Георгія. Ужъ очень хотѣлось ему заслужить его!

— Ох-о-о-охъ-охъ-охъ! — сладко зѣваетъ рассказчикъ и усиленно скребетъ въ головѣ.

— Были, были когда-то мы товарищами! Только онъ-то вотъ въ генералы выскочилъ, войсками командуетъ, а я-то все еще въ маіорахъ сижу,—верблужьимъ лазаретомъ завѣдую.

Послѣднюю фразу Бекузаровъ тянетъ сонливимъ, безсвязнымъ тономъ и плотнѣе закутывается буркою.

— Ну, и что-же, получилъ онъ Георгія за это дѣло?—спрашиваю Бекузарова.

Отвѣта нѣтъ.

— Маіоръ!!! слышите? получилъ онъ Георгія?—
кричу громче.

Отвѣта все нѣтъ.

— Экъ его, ужъ успѣлъ уснуть!—ворчу я недовольнымъ тономъ, тоже завертываюсь въ бурку и засыпаю.

Ч И Н О В Н И К Ъ .

Это случилось уже зимой, когда всѣ наши силы сосредоточились въ Ягинь-Батырь-Калѣ, или, какъ впослѣдствіи мы переименовали ее, въ Самурскомъ укрѣпленіи. Отсюда Скобелевъ очень часто производилъ рекогносцировки крѣпости Геокъ-Тепе.

Дѣлалъ онъ это, конечно, съ цѣлью, какъ можно лучше изучить мѣстность, а также и самую крѣпость, которую, въ концѣ концовъ, все-таки намъ предстояло брать штурмомъ.

Рокогносцировки эти были опасныя, и всегда кончались нѣсколькими убитыми и ранеными. Производились онѣ такимъ образомъ: съ вечера, обыкновенно, отдавался приказъ по войскамъ, какія части назначены къ выступленію. А затѣмъ, намъ, штабнымъ, предлагалось участвовать всѣмъ, кто не занятъ какимъ-либо особымъ порученіемъ.

Какъ разстояніе до крѣпости было около 12-ти верстъ, то выступленіе происходило обыкновенно часовъ въ 7—8 утра.

Какъ сейчасъ помню, шелъ декабрь мѣсяцъ. Стою я однажды, утромъ, совсѣмъ готовый, чтобы сѣсть на лошадь, и смотрю со стѣнки на приготовленія къ выступленію. День отличный, солнечный, не жаркій.

Въ лагерѣ оживленіе. Раздаются команды, крики, голоса.

Спѣшенныя казачьи сотни, одна за другой вытягиваются изъ садовъ, и выстраиваются за лагерьмъ, по направленію къ Геокъ-Тепе.

Вонъ ко мнѣ подходитъ, своей развалистой походкой, товарищъ мой Эрдели. Широкая борода его такъ отросла, что почти и лица не видно. Эрдели въ сѣромъ пальто, сверху бурка, на груди, такъ-же какъ и у меня, болтается пестрый форменный шнуръ отъ револьвера. На боку шашка.

— Кажется, у насъ сегодня будетъ настоящая генеральская рекогносцировка!—съ нѣкоторой ироніей, басисто кричитъ онъ мнѣ. Мы здороваемся.

— А почему?—спрашиваю его.

— Да полюбуйся: четыре генерала, и чуть не всѣ начальники отдѣльныхъ частей сопровождать насъ будутъ.

— Какъ четыре генерала?

— Да такъ, Скобелевъ, Гродековъ *), Петрусевичъ и Анненковъ,—перечисляетъ онъ, причемъ широко ухмыляется своимъ бородатымъ лицомъ.

— Но только вотъ что, по моему это неосторожно со стороны генерала!—въ полголоса говоритъ онъ.

Эрдели любилъ конспирировать.

— Обрати вниманіе, мы идемъ съ одной кавалеріей, и даже безъ артиллеріи. Какъ-бы намъ текинцы не всыпали.

Оглядываюсь, — дѣйствительно, ни пѣхоты, ни артиллеріи не видно.

*) Гродековъ только что передъ тѣмъ получилъ генерала за рекогносцировку 4-го декабря.

Въ это время изъ садовъ показывается стройная фигура Скобелева, на сѣрой въ яблокахъ лошади. Лѣвѣй его виднѣется небольшая фигура генерала Анненкова, за нимъ представительная фигура Петрусевича, съ большой рыжей бородой. Потомъ показывается и начальникъ штаба Гродековъ, и рядомъ съ нимъ полковникъ Куропаткинъ. Сзади тѣснится конвой, съ отряднымъ значкомъ, изъ пестрой индѣйской матеріи. Какъ уже я говорилъ въ своихъ запискахъ, значекъ этотъ прислалъ Скобелеву, изъ Парижа, братъ мой Василій, взявъ изъ стрѣлянаго въ лохмотья въ Турецкую кампанію.

Скобелевъ добродушно разговариваетъ то съ однимъ генераломъ, то съ другимъ.

— Здорово, братцы! Здорово, братцы!—раздается его зычный голосъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—дружно перекачивается въ войскахъ отвѣтный возгласъ.

Мы присоединяемся съ Эрдели къ своимъ, и ѣдемъ за генераломъ.

Только что мы выѣхали за лагерь, какъ къ Скобелеву подъѣзжаетъ одинъ чиновникъ, находившійся при отрядѣ, высокій, представительный, въ очкахъ.

Прикладывая руку къ козырьку, онъ что-то убѣдительно начинаетъ объяснять въ полголоса.

— Пожалуйста! Пожалуйста! Я буду очень радъ! Ежели вы свободны! Можете ѣхать съ нами! Посмотрите, какъ мы будемъ дѣйствовать!—весело и чуть улыбаясь, отвѣчаетъ ему командующій войсками, и слегка жметъ ему руку. Послѣ чего, даетъ лошади шпоры, и съ мѣста-же пускается галопомъ. Мы всѣ спѣшимъ за нимъ. Земля влажная,—пыли нѣтъ. Воз-

духъ свѣжій, чудный. Не жарко. Солнце ярко освѣщаетъ окрестности.

— Это что-же чиновнику-то надо?—спрашиваю я Эрдели въ полголоса, стараясь ѣхать рядомъ съ нимъ.

— Да, видно, любитель сильныхъ ощущеній. Хочетъ испытать себя, каково быть подъ пулями, — улыбаясь отвѣчаетъ тотъ, послѣ чего сердито дергаетъ за поводъ своего вороного, толстомордаго иноходца, который все горячился.

Впереди насъ далеко скачутъ наши джигиты, по обыкновенію, освѣщая мѣстность. Мы отѣхали верстъ девять. Генераль останавливается на пригоркѣ. Глазамъ нашимъ, въ верстѣ разстоянія, представляются обширные сады съ маленькой глиняной калой (крѣпостцой). Сады пересѣчены низенькими глиняными-же стѣнками. Мѣстность эта называется Янги-Кала. Она служитъ какъ-бы пригородомъ къ самой крѣпости Геокъ-Тепе, которая находится версты двѣ лѣвѣе.

Вслѣдствіе того, что мы все время ѣхали рысью изъ Самурскаго, непріятель насъ замѣтилъ только тогда, какъ мы уже почти совсѣмъ близко подъѣхали къ Янги-Калѣ. Но вотъ раздается съ холма Денгиль-Тепе запоздалый вѣстовой выстрѣлъ. Въ Геокъ-Тепе подымается тревога. Зачернѣли ихъ стѣны отъ тысячъ защитниковъ, а затѣмъ, разглядѣвши хорошенько, гдѣ мы находимся, густыми массами бросаются занимать сады Янги-Калы. Пули начинаютъ посвистывать надъ нашими головами. Оглядываюсь назадъ, смотрю — Самурскаго укрѣпленія почти не видно. Только сады чуть чернѣютъ. Конные текинцы вытянулись позади насъ на приличной дистанціи въ

длинную линію, и какъ бы громадной подковой намѣреваются отрѣзать намъ отступленіе.

Скобелевъ попеременно разговариваетъ съ начальниками частей, и каждому изъ нихъ подробно разъясняетъ его задачу въ предстоящемъ штурмѣ.

Вечерѣтъ. Рекогносцировка кончилась благополучно. Убитыхъ нѣтъ. Мы возвращаемся назадъ, по обыкновенію преслѣдуемые непріателемъ чуть не до самаго лагеря. Раненыхъ у насъ оказалось всего 4 человѣка, въ томъ числѣ генераль-лейтенантъ Анненковъ. Онъ былъ раненъ въ руку. Наступаетъ ночь. Люди послѣ рекогносцировки крѣпко утомились. Лагерь погружается въ глубокій сонъ. Вдругъ, среди общей тишины, раздаются раздирающіе душу крики: «Ой-ой-ой!...» — кричитъ все одинъ и тотъ-же голосъ, безъ передышки, не переставая. Но вотъ, — тише, тише и наконецъ умолкаетъ. Тишина въ лагерѣ восстанавливается. Проходитъ такъ съ часъ времени. Вдругъ опять раздаются тѣ-же отчаянные крики. Слышу, рядомъ со мной, въ кибиткѣ, ворчитъ чей-то недовольный голосъ.

— Кто это такъ отчаянно оретъ! Точно кто его душить, вѣдь спать невозможно!

На другой день встрѣчаю пріятеля моего Ушакова.

— Михайлъ Ивановичъ, не знаете-ли, кто это ночью такъ оралъ? говорю ему. Просто всему лагерю спать не давалъ.

— А это тотъ самый чиновникъ, который просился у генерала сопутствовать намъ вчера въ рекогносцировку. Онъ думалъ, тамъ весело будетъ. Прокатится и, когда захочетъ, вернется назадъ. А какъ пули стали свистать надъ нимъ, онъ и поблѣднѣлъ, затрясся, и давай умолять всѣхъ, какъ бы ему назадъ

попасть въ Самурское. Ему и говорятъ: оглянитесь, посмотрите, можете-ли вы одни проѣхать? Смотрить, — сзади стоятъ текинцы сплошной стѣной. А тутъ на бѣду Скобелевъ еще впередъ къ Геокъ-Тепе сталъ подвигаться. И вотъ ему, бѣдному, хочешь не хочешь, пришлось цѣлый день пробыть подъ пулями. Это такъ подействовало на него, что, вернувшись домой, онъ слегъ въ постель и цѣлую ночь прокричалъ. Все текинцы грезились, — смѣясь добавляетъ Михаилъ Ивановичъ.

Но одной этой ночью не кончилось. Бѣдный чиновникъ мой сталъ такъ кричать по ночамъ, что для спокойствія лагеря его пришлось перевести въ другое укрѣпленіе. А затѣмъ, какъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, съ нимъ вскорѣ приключился ударъ, и онъ умеръ.

Штурмъ Геокъ-Тепе.

12-го января.

«Станція Геокъ-Тепе! Поѣздъ стоитъ 10 мин.!» — монотонно восклицаетъ кондукторъ, переходя изъ вагона въ вагонъ. Сонный пассажиръ равнодушно высывается изъ окна, смотритъ по сторонамъ на выжженную солнцемъ песчаную степь, и мирно направляется въ буфетъ, выпить стаканъ чаю. Онъ и не подозреваетъ, какія ужасныя минуты переживало самое это Геокъ-Тепе всего какихъ-нибудь 18 лѣтъ тому назадъ.

Въ то, столь еще недавнее время, здѣсь не только что желѣзной дороги не существовало, но даже ни конному, ни пѣшему проходу не было. Кто бы только ни сунулся сюда изъ европейцевъ, онъ неминуемо рисковалъ попасть къ безжалостнымъ текинцамъ. А тѣ живо набили бы ему на ноги колодки и посадили бы молотъ пшеницу на ручныхъ жерновахъ. И такъ, вернемся нѣсколько назадъ.

Ночь на 12-е января 1881 г. нашъ маленькій отрядъ тѣсно скучился въ траншеяхъ, почти подъ самыми стѣнами крѣпости. А стѣны здоровыя, глино-

битныя, сажени 3—4 вышиной, да почти такой же и толщины въ основаніи.

Еще за нѣсколько дней до штурма, непріятель замѣтилъ, по усиленному передвиженію войскъ, переноскѣ по траншеямъ штурмовыхъ лѣстницъ и вообще по необыкновенному оживленію, что у насъ творится что-то особенное. Въ свою очередь, и онъ сталъ готовиться къ отчаянной оборонѣ.

Необходимо сказать, что, всего за недѣлю передъ штурмомъ, текинцы произвели на нашъ лагерь свою послѣднюю и самую рѣшительную вылазку, съ цѣлью перерубить всѣхъ столь ненавистныхъ имъ «гяуровъ». Тысячъ десять человекъ, въ однѣхъ рубахахъ, босикомъ, съ пашкой на голо, пользуясь полнѣйшей темнотой, какъ бываетъ здѣсь между закатомъ солнца и восходомъ луны, подкрались-было къ лагерю и, съ зловѣщимъ крикомъ: Ала! Ала! бросились рубить направо и налево. Минута была ужасная. Но предшествовавшія двѣ несчастныя для насъ вылазки не прошли безслѣдно. Скобелевъ принялъ всѣ мѣры предосторожности. Честь отбитія вылазки на лѣвомъ флангѣ выпала на долю 3-го баталіона Ставропольскаго полка, а въ центрѣ Ширванскому редуту, который занимали туркестанцы. Вылазка вездѣ была отбита съ громаднымъ урономъ для непріятеля. Дѣло это имѣло большое вліяніе на наши войска. Оно страшно ободрило ихъ, и сдѣлало просто непобѣдимыми.

11-го января подкопъ подъ непріятельскую стѣну, который мы такъ упорно вели, былъ готовъ, и 72 пуда пороку заложено. Оставалось только соединить электрическіе проводы. На 12-е января назначенъ штурмъ Геокъ-Тепе. Штурмъ этотъ велся 3-мя колоннами: 1-я—подъ начальствомъ полковника Куропаткина,

2-я—полковника Козелкова, и 3-я, самая маленькая,—подполковника Гайдарова. Остальныя силы сосредоточивались въ рукахъ Скобелева.

Помню, когда мнѣ пришлось двинуться съ демонстрирующей на мельничную калу колонной подполковника Гайдарова, рано утромъ, на душѣ чувствовалось какъ-то неловко. Это происходило не отъ робости, а просто отъ того, что ночныя движенія вообще непріятны.

Мы всѣ идемъ первое время сонные, недовольные. Всѣмъ хотѣлось бы еще поспать. Сначала мы двигаемся почти въ совершенной темнотѣ, и затѣмъ, не доходя такъ саженой 300 до мельничной калы, останавливаемся ждать разсвѣта.

Въ то время, какъ мы стоимъ тутъ, мнѣ невольно думается: какъ-то наши бросятся на штурмъ? Самая большая колонна Куропаткина. Въ ней одиннадцать ротъ. Вѣдь это почти цѣлый полкъ. Въ Азіи это сила большая. На Куропаткина-то я вполнѣ надѣялся. Лишь бы только не убили его, а ужъ онъ не отступить. Еще въ турецкой войнѣ наглядѣлся я на него. Козелковъ тоже, кажется, постоитъ за себя. 4-го января, при вылазкѣ текинцевъ, вѣдь, его ставропольцы, главнымъ образомъ, отбили атаку. Въ Гайдаровѣ я почему-то тоже не сомнѣвался. Мнѣ казалось, стоило только взглянуть на его энергичное бронзовое лицо, съ сѣдыми нависшими бровями, изборожденное морщинами, дабы убѣдиться въ томъ, что человекъ этотъ не знаетъ отступленія. Ну, а главными силами командовалъ самъ Скобелевъ. Вообще, въ начальникахъ я былъ увѣренъ, войска же, послѣ 4-го января, такъ и рвались покончить съ непріателемъ.

Ни одно сраженіе въ Европейской Турціи, ни одинъ штурмъ, даже не исключая и самого штурма Ловчи, столь близкаго мнѣ, не произвелъ на меня такого захватывающаго интереса, какъ штурмъ Геокъ-Тепе.

Произошло это, вѣроятно, отъ того, что тутъ столкнулись: съ одной стороны грубая физическая сила, въ лицѣ 40 тысячъ защитниковъ, съ другой совершенство оружія, и всего 6 тысячъ атакующихъ. Кромѣ того, вся обстановка здѣсь была какая-то поэтически увлекательная: эти сотни текинцевъ, ежедневно гарцовавшіе вокругъ своей крѣпости, въ своихъ коричневыхъ халатахъ, черныхъ мохнатыхъ шапкахъ, на роскошныхъ аргамакахъ. Самыя стѣны крѣпости — длинныя, сѣрыя, зубчатые, этотъ подкопъ, штурмовыя лѣстницы, фашины, туры — все это невольно переносило къ среднимъ вѣкамъ.

Въ европейской войнѣ такой обстановки уже не встрѣтишь. Тамъ непріятель не будетъ гарцовать вокругъ стѣнъ, а спрячется за брустверъ и начнетъ стрѣлять за 5 верстъ.

Тутъ не то. Вонъ смотри, гдѣ его стѣны! Вонъ какъ близко — и версты не будетъ! Наша батарея начинаетъ стрѣлять по мельничной калѣ, которую мы должны штурмовать. Вскорѣ въ одномъ мѣстѣ она обваливается и образуетъ окно. Проходить еще съ часъ времени, и наша пѣхота быстро направляется занимать калу. Я же долженъ былъ скакать къ артиллеріи, дабы передать приказаніе Гайдарова: перемѣнить цѣль и стрѣлять по крѣпости.

Когда я догналъ пѣхоту у калы, насъ осыпали пулями со стѣнъ Геокъ-Тепе. Суглинистая почва кру-

гомъ была такъ жестка и тверда, что можно было отчетливо видѣть крупныя, съ грецкій орѣхъ величиной, фальконетныя пули, рикошетирующія вокругъ нашихъ ногъ.

Но вотъ мы въ калѣ. Это небольшое пространство, сажень 40 квадратныхъ, обнесенное глиняными полуразвалившимися стѣнами. Та самая стѣнка, которую мы такъ старательно стремились разрушить, теперь очень намъ пригодилась. Мы всѣ бросаемся подъ ея защиту. Я же прильнулъ къ ней лицомъ и съ лихорадочнымъ интересомъ гляжу сквозь небольшое отверстіе, что дѣлается у непріятеля.

Стѣны Геокъ-Тепе отъ насъ всего сажень на сто. Гребень ихъ сплошь покрытъ непріятелемъ. Въ рукахъ у нихъ виднѣются какіе-то значки, съ конскими хвостами, пики, рогатины, копья, а всего больше ружья съ рогатками. Отсюда даже можно различить лица защитниковъ. Они свирѣпо смотрятъ на насъ и, очевидно, даже и въ мысляхъ не держатъ просить «пардону». По сію минуту они вполне увѣрены въ побѣдѣ. Тысяча ихъ скопилось на стѣнахъ противъ насъ, и съ удивленіемъ смотрятъ, что мы думаемъ предпринять.

Между тѣмъ, на противоположномъ концѣ крѣпости, тамъ, гдѣ залегли наши главныя силы, начинается ожесточенная канонада изъ брешь-батареи, въ 35 орудій. Батарея эта была расположена всего въ какихъ-нибудь 400 саженьяхъ отъ стѣнъ, на самыхъ тѣсныхъ интервалахъ. За полчаса до взрыва мины, батарея должна была открыть наисильнѣйшій огонь по одной и той же цѣли, т. е. сбивать гребень стѣны на случай, ежели бы взрывъ мины былъ неудаченъ и недостаточно разрушилъ стѣну.

Дѣйствительно, огонь съ нея былъ адскій, и брешь въ стѣнѣ быстро была доведена до конца. Изъ нашей мельничной калы орудія тоже стрѣляютъ. Дымъ затянулъ все пространство внутри калы. Смотрю кругомъ — люди наши точно въ туманѣ. Подъ прикрытіемъ стѣнки они чувствуютъ себя прекрасно. О неудачѣ ни у кого и мысли нѣтъ. Да, правду сказать, за послѣднее время я вообще ни отъ кого не слыхалъ малѣйшаго сомнѣнія въ успѣхѣ штурма. Этому, какъ я полагаю, главнымъ образомъ содѣйствовала рекогносцировка 6-го іюля, гдѣ Скобелевъ всего съ 800 человекъ налетѣлъ изъ-за 120 верстъ на Геокъ-Тепе и, осмотрѣвъ его, безнаказанно ушелъ. Затѣмъ послѣдняя отбитая вылазка 4-го января.

Какъ бы то ни было, но я теперь вижу все довольныя лица у солдатъ. Они шутятъ себѣ, отпускаютъ остроты, и, согнувшись, осторожененько, дабы какая шальная пуля не задѣла, перебѣгаютъ съ одного конца калы на другой, чтобы поболтать. Вообще послѣднія минуты передъ штурмомъ мы проводимъ съ великимъ интересомъ, при чемъ всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ взрыва. Начальство и офицеры скопились около того мѣста, гдѣ я стою, и смотрятъ въ ту сторону, гдѣ долженъ быть взрывъ. Вонъ, вправо отъ меня стоитъ бравый фельдфебель съ красивыми бакенбардами. Онъ самодовольно вытаскиваетъ изъ за борта мундира серебряную луковицу на толстой серебряной цѣпочкѣ, и какъ бы про себя, но такъ, что я хорошо слышу, говоритъ: еще минутъ десять до взрыва осталось! — послѣ чего старательно прячетъ луковицу на прежнее мѣсто. Но вотъ кто-то маршъ-маршемъ скачетъ къ намъ изъ лагеря. Ближе, ближе, — оказывается начальникъ штаба Гродековъ. Онъ привезъ извѣстіе Гайдарову, что сей-

часъ будетъ взорвана мина и, чтобы мы одновременно атаковали стѣны Геокъ-Тепе.

Еще до взрыва, отъ одной ужасной канонады осадныхъ батарей, текинцы оробѣли. Кучками спускаются въ ровъ, и по дну его съ наружной стороны украдкой пробираются мимо насъ. Вотъ онъ, я вижу одного. Онъ скрючился въ три погибели, и ползкомъ-ползкомъ карабкается мимо нашей калы, при чемъ съ ужасомъ на своемъ бородатомъ черномъ красивомъ лицѣ, озирается въ нашу сторону. Коричневый халатъ его распахнулся, черная папахъ съѣхала на затылокъ. Сзади его еще двое, — вонъ еще! и еще! Вдругъ земля подъ нами заколыхалась. Въ ушахъ загудѣло, всѣ мы бросаемся къ стѣнкѣ калы. Взорамъ нашимъ представляется громадный темный столбъ дыму и огня, перемѣшанный съ пескомъ. Столбъ этотъ взвивается все выше и выше, при чемъ, почти на самой вершинѣ его я отчетливо вижу человѣческую фигуру въ сидячемъ положеніи, какъ бы намѣревающуюся улетѣть за облака. Картина эта удивительно напомнила мнѣ лубочное изображеніе — поднятіе Эноха живымъ на небо. Мы точно шальные бросаемся изъ-за нашей засады. Какъ поднесли лѣстницы къ стѣнамъ, какъ ихъ поставили — я и не видалъ. Меня вмѣстѣ съ прочими точно вѣтромъ взнесло на гребень стѣны. Гляжу съ высоты на непріятельскій курганъ, эту завѣтную твердыню текинцевъ, и къ великому изумленію своему, вижу, что на самой вершинѣ его уже водруженъ нашъ государственный штандартъ. Полотно его широкое, оранжевое, съ чернымъ двуглавымъ орломъ посерединѣ, весело развѣвалось по вѣтру.

Эффектъ взрыва мины былъ ужасный. Ошеломленный непріятель съ страшнымъ воємъ, густыми тол-

нами валилъ со стѣнъ внутрь крѣпости. Торжествующее «ура» ясно доносилось до нашихъ ушей. Непріятель, очевидно, сбить со своей позиціи. Побѣда полная.

Ура! Ура! Ура!—вторимъ мы нашимъ и, какъ угрожающе, бросаемся со стѣнъ преслѣдовать текинцевъ.

Послѣ штурма Геокъ-Тепе.

Весело развѣвается по вѣтру нашъ штандартъ на самой вершинѣ кургана Денгиль-Тепе *) и какъ бы хочетъ оповѣстить всему міру, что отнынѣ война здѣсь окончена, и что эта твердыня текинцевъ принадлежитъ уже Русскому царю.

Но война какъ будто еще не совсѣмъ кончилась. Вонъ тамъ, далеко впереди, что-то творится. Я стою возлѣ штандарта и пристально смотрю въ бинокль. Это самъ командующій войсками, генералъ Скобелевъ, во главѣ дивизіона драгунъ и одной казачьей сотни, съ шашками на-голо, во весь карьеръ гонится за бѣжавшимъ непріятелемъ. Черной, узкой, безконечно длинной полосой растяннулись текинцы по желтой песчаной равнинѣ. Они спасаются въ свои родные пески. Позади драгунъ и казаковъ остается такая же черная узкая полоса людей, но уже не живыхъ, а мертвыхъ. Только женщинъ да дѣтей щадятъ. Первые, желая спасти своихъ мужей, пытаются прикрывать ихъ своими юбками. Но и это не помогаетъ. Гяуры догадались: срывають юбки—и безжалостная шашка отдѣляетъ голову притаившагося отъ трепещущаго туловища.

*) Такъ звали текинцы самый центръ своей крѣпости Геокъ-Тепе.

Уже 15 верстъ пронесся Скобелевъ съ кавалеріей. Тысячи труповъ лежатъ слѣдомъ за ними. Наконецъ, по выраженію Лермонтова, «рука бойцовъ колотъ устала» — и Скобелевъ приказываетъ трубить отбой. Вотъ онъ скачетъ назадъ мимо меня, но за стѣнами, въ мундирѣ, при орденахъ и аксельбантахъ. Радостный, гордый побѣдой, точно самъ богъ войны. Да какъ и не радоваться. Этотъ день, конечно, счастливѣйшій въ его жизни. Завѣтная мечта его — когда-либо столкнуться съ красными мундирами на границѣ Индіи — повидимому приближалась къ осуществленію. Взятіемъ Геокъ-Тепе, какъ выражался впоследствии Скобелевъ, мы открыли себѣ туда ворота.

Вотъ уже онъ объѣзжаетъ кругомъ крѣпости, вносятся по трупамъ въ проломъ стѣны и наконецъ галопомъ въѣзжаетъ на курганъ.

— Вы назначаетесь комендантомъ Геокъ-Тепе! Извольте взять крѣпость въ свое распоряженіе, да слѣдите, чтобы не творилось никакихъ безобразій! — кричить мнѣ генераль.

Я сажусь на лошадь и ѣду. Было около трехъ часовъ пополудни. Главный пылъ преслѣдованія уже затихъ: кой-гдѣ только еще раздавались одиночные выстрѣлы. Солдаты толпами шныряли по крѣпости, перебѣгая отъ кибитки къ кибиткѣ и съ ворохами разной добычи, счастливые, направлялись во-свояси.

— Вотъ тебѣ и задача! — разсуждаю про себя. Только что отдали крѣпость на разграбленіе солдатамъ на 3 дня, а теперь приказываютъ слѣдить, чтобы не творилось никакихъ безобразій. Какъ тутъ согласовать эти приказанія?

Ѣду въ лагерь, забираю вещи, и возвращаюсь со своимъ казакомъ въ крѣпость. Здѣсь, недалеко отъ

взорванной стѣны, на ровной площадкѣ, уже расположилась одна полубатарея, 3 роты пѣхоты и сотня казаковъ. По близости ихъ помѣщаюсь и я. Приказываю выбрать чистую новую кибитку. Выборъ былъ большой. Около 15 тысячъ ихъ стояло свободныхъ. Но только почти всѣ онѣ были наполнены трупами. Въ нѣкоторыхъ находили по десяти и болѣе труповъ. Мнѣ солдаты доставили одну, такую просторную, что хоть танцуй въ ней.

Но вотъ наступаетъ и ночь — первая послѣ штурма. Надо бы хорошенько заснуть, отдохнуть. А между тѣмъ кругомъ и взглянуть страшно. Что ни шагъ, то трупы. Отовсюду, я знаю, торчатъ мертвые головы, руки, ноги: мужчины, женщины, дѣти. Но вмѣстѣ съ симъ сознаешь, что крѣпость взята и мы побѣдили. Мысль эта чрезвычайно успокоительно, отрадно дѣйствуетъ на нервы. Невольно чувствуешь, что самая главная задача окончена, и что вмѣстѣ съ ней опасность быть убитымъ или раненымъ миновала.

Передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, я еще разъ выхожу изъ палатки. Небо ясное. Кругомъ крѣпости высоко вздымаются багровые костры, осыпая пространство тысячами искръ. Войска ликуютъ. Смѣхъ и веселые разговоры долетаютъ до моихъ ушей. Кое-гдѣ съ трескомъ лопаются попавшіе подъ костры ружейные патроны. Въ воздухѣ тянетъ дымомъ и гарью.

Осторожно зову дежурнаго, спрашиваю, посланы ли разъѣзды, разставлены ли посты, затѣмъ вхожу въ кибитку и ложусь на текинскій коверъ. Но что это такое!.. отъ него сильный трупный запахъ. Трогаю рукой, — сырость какая-то. Осматриваю съ огнемъ: одинъ край его весь въ крови. Скорѣй выкидываю коверъ

вонъ и, закрывшись сглуха буркой, съ легкимъ сердцемъ засыпаю.

Трудно описать тѣ чувства, которыя человѣкъ испытываетъ послѣ взятія крѣпости, столь долго и съ такимъ трудомъ осаждаемой. Ихъ можетъ только понять участникъ штурма. Горделиво расхаживаетъ онъ на другой день по стѣнамъ и осматриваетъ окрестности. Припоминаетъ—гдѣ что творилось, при чемъ невольно сознаетъ, что и онъ, хоть и маленькій, но все-таки участникъ въ этомъ торжествѣ.

«Вонъ откуда непріятель дѣлалъ свою послѣднюю вылазку! Вонъ тамъ напалъ на нашихъ. Тамъ его встрѣтили залпами и повернули назадъ!» и т. д. Чувства эти, пожалуй, можно приравнять, хоть, конечно, и не совсѣмъ, къ тому, какъ охотникъ, высвободившись изъ-подъ лапъ медвѣдя, самъ убиваетъ его, и затѣмъ, радостный и довольный, спокойно осматриваетъ его: оскаливаетъ ему зубы, выворачиваетъ когти—и все это безъ тревоги, будучи увѣренъ, что уже теперь звѣрь этотъ не опасенъ.

Я очень скоро свыкъ здѣсь со своимъ положеніемъ. Единственно только, къ чему не могъ привыкнуть—это къ трупному запаху. А между тѣмъ убирать и зарывать тѣла положительно некому было. И вотъ всѣ эти кучи гнили и разлагались.

Насколько воздухъ здѣсь былъ зараженъ, достаточно сказать, что пріятель мой, поручикъ Ушаковъ, тоже состоявшій при Скобелевѣ и раненый въ грудь при штурмѣ, только на минуту заѣхалъ ко мнѣ въ крѣпость, такъ и то заразился и чуть не умеръ отъ тифа.

Надо сказать, что въ моемъ распоряженіи была

только западная сторона крѣпости, восточной же завѣдывалъ инженерный капитанъ Масловъ.

Въ самый же день штурма, къ вечеру, подъ стѣнами крѣпости образовался базаръ, который съ каждымъ днемъ возрасталъ съ изумительной быстротой. Сюда стекались со всѣхъ сторонъ туркмены, персы, евреи, курды, армяне и разныя другія народности. Мѣшками сносились сюда серебряныя и золотыя женскія и конскія украшенія. Они продавались приблизительно около 10 р. за пудъ, при чемъ армяне самымъ нахальнымъ образомъ увѣряли солдатъ, что желтыя пластинки на женскихъ уборахъ были мѣдныя, тогда какъ онѣ состояли изъ самого чистаго золота. Сюда же на базаръ сносились въ громадныя кучи драгоцѣнные текинскіе ковры: какое количество найдено было ихъ въ крѣпости, даже и приблизительно трудно сказать. Ежели только положить по одному коврику на кибитку, то и тогда это составляло 15 тысячъ штукъ. Я купилъ себѣ четыре отличныхъ ковровъ, нѣсколько женскихъ и 2 конскихъ убора. Могъ бы, конечно, и больше купить, да везти было негдѣ, такъ какъ въ верблюдахъ былъ у насъ крайній недостатокъ. Притомъ же предстояло еще движеніе впередъ. Самыми же счастливыми въ этомъ отношеніи оказались артиллеристы. Не знаю, какъ другіе, а только тѣ, которые стояли у меня въ гарнизонѣ, понабили всѣ орудійные передки и ящики коврами.

Здѣсь со мной произошелъ такой курьезный случай. Купилъ я у солдата чудную текинскую, такъ называемую, дорожку. Дорожка эта представляла довольно широкую шерстяную ковровую полосу, какими стягивались кибитки. Подобная полоса, какую я купилъ, конечно могла быть только у богатыхъ текин-

цевъ. Она представляла положительно чудо искусства въ своемъ родѣ. Обыкновенно дорожки эти ткались вершковъ шести шириной, моя же была въ аршинъ. По бѣлому какъ снѣгъ фону были затканы шелковымъ плющемъ самые причудливые узоры. Но верхъ совершенства—середина дорожки. Отъ нея просто не хотѣлось отвести глазъ, до того красивъ былъ узоръ. Длинной эта полоса была аршинъ 15-ть. Я приказалъ моему казаку спрятать ее хорошенько.

Разъ какъ-то возвращаясь съ объѣзда крѣпости, смотрю—казакъ мой что-то старательно копошится за кибиткой, даже не замѣчаетъ моего пріѣзда. Соскакиваю съ лошади, подхожу къ нему, и къ ужасу своему вижу, что драгоценная дорожка моя разрѣзана пополамъ, самая середина вырѣзана, и казакъ мой что-то трудится около нея.

— Что ты надѣлалъ, такой-сякой!—кричу ему внѣ себя отъ злости.—Какъ ты смѣлъ ее разрѣзать?

— Да гдѣ же, ваше высокородіе, всю ее везти! мѣста нѣтъ. Ну, я только на чепрачекъ середочку выкроилъ, а остальное нехай здѣсь остается.—И вѣрный слуга мой прехладнокровно показываетъ мнѣ, какой чудный чепрачекъ сдѣлалъ онъ для меня, и даже началъ уже обшивать ремешкомъ. Оставалось только плюнуть съ досады да развести руками.

Еще 15-го января *), т. е. на третій день штурма, полковникъ Куропаткинъ былъ посланъ съ отрядомъ занять Асхабадъ, и одновременно съ этимъ догнать и возвратить бѣжавшихъ въ пески текинцевъ. 17-го января двинулся за нимъ налегкѣ и самъ Скобелевъ, а 18-го Асхабадъ былъ уже занятъ безъ боя. Жители

*) См. «Война въ Туркменіи», Гродекова.

всѣ бѣжали въ пески. Пришли же мы туда съ главными силами въ началѣ февраля. Къ этому времени я благополучно сдалъ свое комендантство Геокъ-Тепе и долженъ былъ присоединиться къ штабу.

Это вторичное движеніе наше къ Асхабаду было въ высшей степени интересно и пріятно. Оно уже несколько не походило на войну, а просто на военную прогулку. Но только прогулка-то эта происходила не гдѣ-либо подъ Гатчиной или Петергофомъ, а вблизи Мерва, на пути въ Индію. Скобелевъ не даромъ гнался съ кавалеріей за бѣжавшими текинцами. Онъ былъ знатокъ Азіи, и хорошо понималъ, что для умиротворенія здѣшняго края нуженъ ударъ. И ударъ этотъ былъ нанесенъ страшный.

Вѣсть о взятіи Геокъ-Тепе разнеслась по Азіи съ изумительной быстротой, а потому послѣ этой побѣды все склонялось передъ нашимъ могуществомъ, и мы двигались впередъ спокойнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Погода стояла восхитительная. Жары еще не начались, и чувствовалась отрадная прохлада. Солнце съ утра уже блестяло и ярко озаряло покрытую бриллиантовой росой изумрудную мураву. Кругомъ быстро все начинало зеленѣть. Деревья одѣвались листьями, и послѣ кратковременной зимы жизнь рѣзко начинала проявлять себя. Птицы стаями тянулись подъ синимъ поднебесьемъ. Звонкіе крики ихъ часто долетали до нашихъ ушей. Въ воздухѣ стояло благоуханіе отъ распускающихся деревьевъ, цвѣтовъ и разныхъ другихъ растений. Сердце радовалось при взглядѣ на все это.

Мы углублялись въ страну, дотолѣ никому, кромѣ текинцевъ, невѣдомую. По пути начальникъ экспедиціи частенько отставалъ съ начальникомъ штаба Гродековымъ для переговоровъ съ мѣстными жителями.

Тѣ во множествѣ возвращались изъ своихъ песковъ. Безпрестанно являлись разныя депутаціи, отъ текинцевъ—съ просьбами, и отъ персовъ—съ поздравленіями. Вскорѣ Скобелевъ опять обгонялъ насъ со своимъ конвоемъ, при чемъ, случалось, ѣхалъ уже не верхомъ, а въ легонькомъ тарантасикѣ, запряженномъ тройкой лихихъ киргизскихъ лошадей сѣрой масти, очень маленькихъ, но чрезвычайно выносливыхъ. Лошади эти принадлежали Мангышлакскому приставу, полковнику Навроцкому. Онѣ слѣдовали за нами всю экспедицію.

Асхабадъ представлялъ въ это время самую грустную картину. Это было ничто иное, какъ довольно обширное пространство, на которомъ виднѣлись полуразвалившіяся глиняныя мазанки, дворики, перегороженные глиняными же стѣнками, загоны для скота и неизбѣжныя въ здѣшней мѣстности сторожевыя башни, отъ случайнаго нападенія непріятеля. Да еще кой-гдѣ чернѣли ветхія закоптѣлыя и изодранныя кибитки. Кругомъ было пусто и дико. Одни сады, начинающіе уже покрываться листвою, какъ будто доказывали, что еще недавно тутъ была жизнь въ полномъ разгарѣ.

Скобелевъ оставилъ здѣсь гарнизонъ, а самъ двинулся дальше по направленію къ Мерву. 17-го февраля мы заняли мѣстечко Лютфабадъ. Куропаткина тогда съ нами не было. Такъ какъ ему предстояло возвращеніе въ Туркестанъ по безводнымъ пустынямъ, то онъ долженъ былъ спѣшить, чтобы добраться домой до начала жаровъ, пока колодцы еще не пересохли. И все-такъ, несмотря на то, что онъ тронулся въ путь въ началѣ февраля, ему пришлось перенести неимоверныя трудности. Доказательствомъ этому служить то, что изъ 900 верблюдовъ, находившихся въ его

отрядѣ при выходѣ изъ Бами, пало дорогой болѣе 600 отъ безкормицы и безводья *).

Лютфабадъ прелестное мѣстечко, принадлежавшее Персіи. Оно такъ и тонуло въ зелени садовъ. Почва богатѣйшая, плодородная. Когда мы прибыли сюда, то уже миндальныя деревья были въ полномъ цвѣту. Цвѣтъ ихъ, бѣловаторозовый, мнѣ чрезвычайно нравился.

Первое время мы крайне нуждались здѣсь въ провизіи. Съ собой взяли очень мало, подвозить было далеко, а правитель Лютфабада почему-то вдругъ запретилъ жителямъ продавать намъ продукты. Положеніе становилось критическимъ. Между тѣмъ Скобелевъ очень опасался войти въ какія-либо рѣзкія пререканія съ персидскими властями.

Какъ быть? Жаловаться нашему послу и добиваться продажи продуктовъ дипломатическимъ путемъ была бы слишкомъ длинная исторія, и нашему отряду пришлось бы голодать. Все это генераль отлично понималъ. И вотъ онъ отправляется съ визитомъ къ правителю Лютфабада. При этомъ участвовали Гродековъ, сотникъ Денисовъ, я и еще нѣсколько человѣкъ. Правитель принялъ насъ въ своей резиденціи—глинобитномъ и грязномъ темномъ зданіи. Это былъ тощій, длинный и смуглый господинъ въ высокой барашковой шапкѣ. Онъ сидѣлъ, поджавши ноги на коврѣ, намъ же были поданы стулья. Во время угощенія кофе и сладостями, Скобелевъ велъ съ нимъ черезъ переводчика переговоры о провіантѣ. Чѣмъ эти переговоры кончились, уже не помню, но только что мы вернулись къ себѣ въ лагерь, какъ Скобелевъ получаетъ въ по-

*) «Война въ Туркменіи» Гродекова, т. IV, стр. 48.

дарокъ плохонькаго рыжаго конька, такъ рублей въ полтора. Генераль нашъ, помню, осматриваетъ это животное и, смѣясь, говорить Гродекову:

— Послушай, Николай Ивановичъ, пошли ты этому... триста полуимперіаловъ.

Гродековъ немедленно исполняетъ приказаніе черезъ сотника Денисова, который временно завѣдывалъ штабными суммами. А что же вышло? Помню, какъ сейчасъ, просыпаюсь я на другой день утромъ, выхожу изъ палатки—и глазамъ своимъ не вѣрю. Вся огромная площадь, отъ того мѣста, гдѣ мы стояли лагеремъ, еще наканунѣ совершенно пустая, вплоть до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ находилась резиденція правителя, запружена торговцами. Горы хлѣба, чурековъ, плодовъ и разныхъ разностей ласково дразнили наши взоры. Гамъ и шумъ стоялъ на площади невообразимый. Персюки въ своихъ курточкахъ и кругленькихъ шапочкахъ въ родѣ ермолокъ, тюбетейкахъ, съ бритыми открытыми лбами, потные, грязные, наперерывъ кричали и выхваляли свои товары.

Все это произошло точно по волшебству. Солдаты наши будто у себя дома, мирно расхаживаютъ между торговцами, прищѣниваются, очень много всего пробуютъ, смѣются, шутятъ и ходятъ отъ одного продавца къ другому.

Всюду видны ликующія лица какъ нашихъ солдатъ и офицеровъ, такъ и обывателей.

Торговцы такъ спокойно сидятъ, точно они тутъ помѣстились уже давнымъ давно.

Я подхожу къ одному старику. Онъ сидитъ, поджавъ ноги, босой, и съ жаромъ тараторитъ что-то сосѣду, такому же старику, какъ и самъ. Передъ нимъ, въ глиняной чашкѣ, плаваютъ въ молокѣ нѣсколько,

какъ мнѣ показалось сначала, творожниковъ. Но вотъ старикъ увидалъ меня.

— Каймакъ! Каймакъ!—оретъ онъ во все горло, уперевъ на меня свои черные глаза съ большими выпуклыми бѣлками.

«А! вотъ онъ знаменитый персидскій каймакъ!—съ удовольствіемъ думаю про себя. Довольно питаться однимъ чаемъ съ солдатскими сухарями, надо и полакомиться». И я съ наслажденіемъ беру чашку, плачу вмѣстѣ съ посудиною какой-то пустякъ и иду къ себѣ въ кибитку. Каймакъ замѣчательно вкусный. Въ немъ нѣтъ той сладкой приторности, какъ его приготавливаютъ у насъ въ Россіи. Это—просто крѣпко сбитыя сливки, свернутыя въ трубочку, и къ нимъ прибавлено чуть-чуть сахару.

Кромѣ каймака, тутъ же продавались чрезвычайно вкусные кукурузные чуреки и различныя лепешки. Однимъ словомъ, на другой же день послѣ скобелевскаго подарка, мы были завалены всевозможной провизіей. Она продавалась крайне дешево. Мы, какъ говорится, катались здѣсь, точно сыръ въ маслѣ.

Въ Лютфабадѣ Скобелевъ получилъ два извѣстія, совершенно противоположныя по характеру. Одно—самое для него радостное: флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Меллеръ Закомельскій привезъ ему отъ Государя Императора, за взятіе Геокъ-Тепе, орденъ Георгія 2-й степени и чинъ полнаго генерала.

А вскорѣ же послѣ того, а именно 3-го марта, пришла горестная вѣсть о смерти незабвеннаго Императора Александра II. Помню, случилось это такъ. Утромъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ въ кибитку кто-то изъ товарищей и кричитъ: «Слышали, государь убитъ!» и самъ куда-то скрывается.

Какъ? Что такое? Бѣгу къ генеральской кибиткѣ, смотрю, нашъ священникъ и дьяконъ, въ траурныхъ ризахъ, подергивая плечами и выправляя волосы изъ-подъ ризъ, торопливо приготавливались служить панихиду.

Скобелевъ, окруженный офицерами, стоитъ позади священника и, закрывъ носовымъ платкомъ лицо, навзрыдъ плачетъ, какъ ребенокъ.

Я становлюсь по близости и спрашиваю у товарищей, какъ все это случилось? Никто не знаетъ никакихъ подробностей.

Дня черезъ два, черезъ три, какъ-то подъ вечеръ, когда первое, самое сильное, горе приутихло, Михаилъ Дмитриевичъ по обыкновенію ѣдетъ прокатиться верхомъ. Мы всѣ сопровождаемъ его. Ёдемъ верстъ десять, и почти все садами и миндальнымъ лѣсомъ. Ароматъ отъ цвѣтущихъ деревьевъ былъ восхитительный.

Въ одномъ мѣстечкѣ останавливаемся и слѣзаемъ съ коней. Генераль задумчиво прогуливается въ тѣни деревьевъ, затѣмъ подзываетъ всѣхъ насъ и отрывисто восклицаетъ сквозь слезы: «Вы... господа... меня оставьте теперь. Я ничего для васъ не могу сдѣлать. Теперь я ничто! Отправляйтесь всѣ къ графу N: онъ теперь сила!» Жметъ намъ руки, снова садится на лошадь, и галопомъ возвращается обратно въ лагерь.

Не смотря на то, что къ этому времени прибыла отъ мервцевъ депутація о принятіи ихъ подъ высокую руку «Бѣлаго Царя», что дорога къ Герату была открыта и стоило только дойти, чтобы занять все это — тѣмъ не менѣе экспедиція была остановлена и Скобелевъ отозванъ.

Такъ грустно окончилась эта, столь славно было начавшаяся, страничка въ нашей исторіи.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ. *

Очерки и воспоминанія.